

АЛИНА
БОРИСОВА

ГОРОД
НАД БЕЗДНОЙ

Annotation

Его разглядишь с одной-единственной смотровой площадки, да и то если только в бинокль. Тот самый, воспетый в поэмах Город – наша легендарная прародина, потерянный рай, колыбель человеческой цивилизации. Там обитают Они – Великие и Мудрые, подарившие людям жизнь и свободу. И отселившие нас от себя на другой край Бездны, чтобы мы и не думали возвращаться. Город недостижим. Но Они – его легендарные жители – порой к нам приходят. И нет в наших краях девы, которая не мечтала бы, что однажды Он придет именно к ней.

Хотя почему нет? Есть. Я. Вот только как мне объяснить светлейшему куратору, что я обойдусь без его внимания?...

Алина Борисова
Город над бездной
Роман

© А. Борисова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Лиза

– И пожалуйста, не опаздывайте. – Светлейшая Александра сияла, как Невечерняя Звезда. – Автобус на Гору Вампиров отходит ровно в два, ждать никого не будем! Кто опоздает – пропустит самое значительное событие всей своей жизни!

– Угу, она, видать, в свое время пропустила, – хмыкнул за спиной Петерс, – вон как нынче-то туда рвется!

Мальчишки неподобающе хрюкнули. На них вроде бы даже шикнули, но как-то не всерьез, вполсилы. Неудержимая радость вилась над строем выпускников, ширясь с каждым выданным аттестатом, с каждым сказанным словом. Свобода лилась на них лепестками отцветающей вишни, врывалась в легкие ветром с далеких лугов, пьяня ароматами диких трав и вольных цветов. Они теперь тоже, как эта трава, как эти цветы, – свободные, вольные, потому что завтра их ждет не просто лето, не просто каникулы, их ждет настоящая, безграничная Свобода Взрослого Человека. Они выросли, они перешагнули рубеж, они окончили школу, и теперь ни одна светлейшая учительница на свете не вправе указывать им, что, когда и в каком порядке делать, что думать и о чем и с кем говорить.

Да и конечно же, Гора Вампиров. Древнейшая традиция, ритуал, священная обязанность. И вместе с тем – самая заветная мечта любого мальчишки или девчонки. И самое светлое воспоминание любого взрослого. На Гору Вампиров можно подняться лишь раз, в День Перехода – так торжественно именовали здесь окончание школы. Взглянуть на сказочный город за Бездонной Бездной и, присев на мягкое кресло в уютном кабинете, отдать свою кровь – немного, всего на флакон – о нет, не вампирам, обычным врачам в строгих белых халатах. В память об обретенной свободе. В подтверждение верности заветам предков. В благодарность Великим и Мудрым вампирам, даровавшим некогда людям самую возможность Просто Жить.

Тут я поморщилась. Слишком много больших букв, слишком много патетики. Но по-другому о Великих и Мудрых говорить было категорически не принято, и не единожды слышанные фразы намертво впечатались в мозг, став базовыми шаблонами для любой мыслительной конструкции.

– Лара, ну давай, ну давай же скорее, – Лиза вилась у меня на руке нетерпеливым котенком, – будешь стоять и мечтать, мы не успеем как следует пообедать, а вампиры любят полнокровных девочек.

– А просто полные им не подойдут?

– Лара, ну как ты можешь? Сегодня такой день! Такой шанс!

– Шанс на что, Лиза? Сдать кровь в пробирку?

– Ты невозможна, Лариса. Ну как можно, как можно быть такой неромантичной? Ты же знаешь, что иногда, да-да, я знаю, нечасто, не каждый раз, но иногда... они все-таки приходят...

Ну все, завела свою песенку! Лиза была моей подругой, самой близкой, самой лучшей, самой-самой. Мы делили с ней все секреты, все мечты и проказы. Но от одной из самых светлых ее грез меня попросту мутило. Лиза по-глупому, по-идиотски, по-детски мечтала о вампирах!

И стоя в очереди с подносом, и протискиваясь с едой к свободному столику, и поглощая свой последний школьный обед, я обреченно выслушивала ее романтические бредни о том, что однажды... быть может, вот прямо сегодня... она непременно встретит Его.

– Лиза, ну перестань, – вяло отмахивалась я, – ну подумай ты головой хоть секунду: ну зачем тебе вампир? Ну что за страсть к самоуничтожению? Вампиры, конечно, любят людей, но в одном-единственном смысле: они любят их есть!

Лиза расхохоталась. Атмосфера наступающей свободы, почти свершившейся взрослости пьянила ее, заставляя верить еще сильнее, мечтать еще неистовей.

– Вампиры... людей... не едят, – проговорила сквозь смех, вытирая салфеткой разбрызгавшийся соус, – они же не волки! Они умнейшие, интеллигентнейшие, воспитаннейшие люди!

– Лиза, они не люди!

– Ой, ну хорошо, хорошо, не люди... Они прекраснее, возвышеннее, неистовее любого из людей!

– Лиз-за!

– Нет, ты послушай, послушай! Я точно знаю: вампиры любят людей! Ну, вернее, могут любить! Иногда они приходят. И влюбляются. В юных дев, глядящих сквозь Бездну... Ну или, наоборот, в мальчиков, если сами девочки.

– Лиза, какие мальчики, какие девочки?! Им всем по тыще лет, они ж бессмертные, да и с рождаемостью у них фигово.

– Ах, ну какая разница, сколько лет! Ты подумай, еще пара часов, и мы поднимемся туда, и Он увидит меня, и перелетит через Бездну, и скажет: «Светлейшая дева, свет твоих глаз опалил мое сердце!» И за эти слова я отдам ему все – все, понимаешь, стану просто светом, растворившись в неземном блаженстве.

У-у-у-у, ну что за сказки для детей и юношества!

– Лиза, все, относ поднос, вернись на землю! – Я встала из-за стола, загрохотав стулом по кафелю. Она поднялась следом, как всегда изящно, невесомо. Бесшумно. Без лишних звуков приставила свой стул вплотную к столу. Поплыла относить поднос с грязной посудой. Я пнула свой стул в спинку (он тут же вновь порадовал меня «скрежетом зубовным») и двинулась за ней.

– Лизка, ну пойми ты: вампиры иногда приходят на Гору. Да. Не спорю. Факты известны. Но приходят они туда не за любовью. Кровь они туда приходят пить. Молодую. Свежую. Прямо из вены.

– Ну разумеется! Они же вампиры! А вампиры пьют кровь! – Подруга, похоже, начинала сердиться. – Вот только зачем им за этим на Гору переть? У них огромные стада человекообразных животных. Биологически идентичных людям. Значит, и кровь у них – такая же. Пей себе хоть из вены, хоть из пятки! А они приходят. И я скажу тебе зачем! За любовью! Да, да, да, и не криви ты личико! Их животные могут дать им море крови, ты права, хоть залейся! Но любить они никого не могут – они не люди, они животные! А сами вампиры уже стары, в них охладели чувства, пыл юности угас, это ж естественно. Но глядя на наши юные лица там, на Горе, они вспоминают свою молодость, свои мечты, саму любовь и спешат к нам через Бездну, чтобы слиться в экстазе, пьянея от нашей горячей любящей крови! – Щеки ее покраснелись, глаза горели.

– Ты мне сейчас какую книжку-то пересказываешь? – скепсисом в моем голосе можно было смело тараканов травить, – «любящая кровь» – это круто! Или это изначально стихи

были, а ты мне их так, по памяти, в прозе пересказала?

Лизка взглянула на меня практически с ненавистью, резко отвернулась, ускорила шаг и, догнав Регинку, цапнула под локоток и скрылась с ней в автобусе. Ну и ладно, не больно-то хотелось. Это ж надо быть такой непробиваемой романтической дурой!

В автобусе уселась на самый последний ряд, там, где пять кресел вместе. Галерка – она и в автобусе галерка. Для тех, кто против!

Автобус тронулся. Скрипя и дымя на всю дорогу, неторопливо запетлял по улочкам города, выбираясь на шоссе. Ну что за колымага! Того и гляди сейчас встанет намертво где-нибудь посередине степи глухой. Угу, и накроется кому-нибудь его романтическоЁ свиданиЁ... Нет, ну вот вампиры-то на таких развалюхах по своему чудо-городу точно не ездят. Они ж там все гениальные, они ж там все летают. На крыльях любви, не иначе! Не удержалась, фыркнула.

– Да что ж это ты, Ларочка, все в одиночку смеешься? – Сидящий рядом Петерс лицо соорил заботливо-встревоженное. Ну а уж голос точно мог соперничать в серьезности с учебником вампирологии за третий класс. – Ты поделись с друзьями. И нам приятно, и тебя к доктору не поведут.

– Да что тут скажешь, Петька. Чудо-город. Чудо-вампиры. Могли б и за нами какую-нибудь чудо-колесничку прислать крылатую, чтоб бодрее мы спешили им свой чудо-долг отдавать. Из чудо-пальца. Или из чудо-вены? Что-то я за всем этим весельем прослушала: откуда кровь-то брать будут?

– Ну-у, – судя по тому, как хмыкнул Петерс, а также сидящие рядом с ним Витька с Мариком, что-то не то я спросила, – а это, любовь моя, откуда дашь. Можно, конечно, и из пальца. И из вены. Но самая сладкая кровь, она, как известно, по бедрам течет. По женским. Нечасто так, недельку в месяц. У тебя, кстати, щас как, не? – Под неудержимый гогот приятелей голова его стала склоняться в сторону предполагаемого «объекта исследования». И получила сумкой по рогам. Известие о том, что он придурок, его нисколько не огорчило, а мои не к месту покрасневшие щечки весьма порадовали.

– Ну, нет так нет, я ж что, я ж только спросить, – Петерс был прирожденным паяцем, и удар сумкой по голове полет его разошедшейся фантазии в жизни еще не останавливал, – они ж, ежели что, так и проткнуть могут, ты, главное, только попроси. Сделают. Своим чудо-пальцем. Или не пальцем. Но главное – чудо! И потекшую кровь аж языками вылизут. Аки псы. Вон хоть светлейшую Александру спроси.

– О чем? – Я аж поперхнулась. Светлейшую Александру о чудо-пальце? Да ее ж кондратий хватит от такой непристойности. И вряд ли уже отпустит.

– А что? – встрял в разговор Марик, – ты на нее взгляни: нарядилась, как для журнала сниматься, и сияет, как таз начищенный. Про чудо-пальцы явно в курсе, с собственного Перехода небось все в подробностях... Потому и учителем стала, и классной заделалась, десять лет Перехода ждала, чтоб хоть с нами вновь на Гору. А там уже он: «Я ждал тебя, моя Александра, десять лет, не сходя с этого места!»

– А она ему: «Ах, палец, палец! Ты его не отморозил? Он все еще действует? Десять лет ждала, никому не давалась!» – в тон ему продолжил Петерс, и вся галерка каталась, захлебываясь, и я смеялась со всеми, сознавая, как это гадко и пошло – говорить такое про пусть уже бывшую, но все же нашу классную руководительницу, которая десять лет нас учила, растила и пестовала.

Все это нервы. Что бы мы ни говорили, как бы ни бравировали. Нервное напряжение

выходило из нас пошлым смехом и несмешными шутками. Все же мы ехали на Гору. Раз в жизни можно сюда подняться. Пока ты не видел Город – ты ребенок. Увидел, осознал, но не сломался, а, преисполнившись благодарности и отдав ритуальный Долг Крови, вернулся к людям чтобы не покладая рук трудиться на благо свободных людей, в светлой надежде, что когда-нибудь пусть не мы, но наши далекие потомки построят цивилизацию, хоть немного приблизившуюся величиим к цивилизации вампиров. И если ты сумел осознать это там, на перевале, над Бездонной Бездной, разделяющей мир людей и мир вампиров, ты совершил Переход. Ты стал взрослым. По крайней мере так нас учили. И наверное, в этом была правда. Люди должны помнить свою прародину. И своих создателей. И, глядя на потерянный рай, иметь мужество признать, что он более нам не нужен. Мы свободные люди, и мы в силах построить свой.

А вампиры? Ну, что лукавить? Я хотела взглянуть на вампиров. Хотя некоторые из них жили среди людей, помогая двигать цивилизацию к прогрессу, детям видеть их не полагалось. И дети их не видели. Был у них какой-то морок, и рядом пройдет – не заметишь. Считалось, что на неокрепший детский мозг встреча с живыми богами может подействовать разрушительно. Да вон хоть на Лизку мою глянуть: и не видала ни разу, а мозг разрушен. Да только на Горе такая встреча нам вряд ли светит, больше шансов встретить вампира в университете или в каком-нибудь НИИ, где они передовые проекты курируют. А на Гору разве что бездельники залетают, хлебнуть, так сказать, свежей и неразбавленной кровушки у романтических дурочек. Что ж не взять, когда дают?

Дорога была неблизкой. Пока мы, каждый по-своему, предвкушали самое волнующее приключение юности, автобус натужно тащился мимо полей и поселков, временами пугая грозными гудками забредших на дорогу овец или коз. Машин встречалось немного. У нас вообще было не слишком-то много машин. Да и те, в отличие от вампирской чудо-техники, были весьма далеки от совершенства. Даже поговорка была: «Нет машины, которая не ломается, есть водитель, который не умеет ее чинить». Потому и водители были исключительно профессиональные и транспорт исключительно общественный. Ну или для сельхозработ и грузовых перевозок. Частные машины на улицах города можно было встретить едва ли не реже, чем настоящего вампира. Ну, в смысле, можно, конечно, но если постараться и поискать. Это те, которые на ходу. Стоящих мертвым грузом было значительно больше. Вот даже у нашего подъезда, сколько себя помню, стоял «Славич» соседа дяди Кости. А сам светлейший Константин все больше лежал под этим «Славичем», разложив вокруг себя все имеющиеся в наличии инструменты.

Зато на дорогах был простор и лениво паслись чьи-то гуси. До Горы Вампиров от родного Светлогорска тащиться было часа три, и мы успели и в окно до одури наглядеться, и в карты сыграть десяток партий, и обсудить все, что только можно, в неподобающе интимных подробностях. Нас сжирало нетерпение. Чем дальше, тем больше, и все сложнее было выдумать тему для разговора или повод для шутки. И даже неистоцимый юморист и затейник Петерс с каждой минутой становился все серьезнее, бросая в окно долгие взгляды и не замечая затянувшихся пауз.

Наконец мы все-таки дорулили. Долго и хлопотно припарковывались: не одна, чай, школа в мире. Кто-то уже уезжал, кто-то еще был на Горе, а мы только выгружались. И пытались понять по лицам тех, кто уже садился в свои автобусы, как оно там? Осознали? Прониклись? Разные были лица. Сложно было понять. Я так и не поняла, честно могу признаться.

Светлейшая Александра торжественно построила нас и повела к воротам. Там нас строго проверяли по каким-то спискам, и на какой-то миг стало по-глупому страшно, что меня в нем нет и все пройдут, а я отправлюсь домой. Я в нем была. Мы все в нем были.

И начался подъем. Древняя Лестница Завета, с ее вытертыми тысячами ног каменными ступенями, уходила в самое небо. Так нам всем казалось, пока мы бодро шли по ней, поднимались, ползли, тащились... и, наконец, взгромоздились на последнюю, тысяча невесть какую ступеньку, чтобы замереть... А что, собственно, замирать? Каменные скамьи по кругу, в центре – фонтан красы неброской, явно не вампирами деланный. За кустами белеют аккуратные одноэтажные домики весьма земной конструкции, к ним ведет широкая ровная дорожка.

– Присаживайтесь, отдохайте, можно умыться и попить, – соткался сей старец из воздуха или просто терпеливо ждал за кустиками, покуда мы глазки в кучку соберем и языки во рты затащим, – было глубоко не важно. Важно было, что можно умыться, попить, отдохнуть перед неизбежной встречей с прекрасным. И то, что старикан не вампир. Обычный старикан, человеческий. Хоть и вида весьма благообразного, и одет очень строго и как-то подобающе. К месту и к случаю, так сказать. А вампиры – они стариканами не бывают. Они ж бессмертные. Ну, или почти бессмертные. Но по-любому – вечно молодые.

– Зовут меня Симеон Агофитов, и буду я вашим проводником на пути трудном и прекрасном до самой границы вечности, – заявил между тем старец возвышенно и серьезно.

Мда-а, да вы поэт, дедушка. Этак мы и до вечера не управимся. Хотя – кому как. Говорят, на закате самая большая вероятность встретить вампира. Хотя с чего, если разобраться? Это только в сказках про Вампиров Адской Бездны они по ночам шныряют да солнца с петухами боятся. Наши создатели ничего не боятся: ни петухов, ни солнца со всеми звездами. Хотя кто ж их знает, чего они там боятся, может, как та колдунья, что водой из ведра окатят. Кто ж в таком признается? А ну как взбунтуются неблагоприятные создания, водометы на Гору заволочут и давай полоскать их Город Солнца заоблачный: «Вы перепачкались кровью? Тогда мы идем к вам!»

Так, опять я что-то не о том радуюсь. Что там дедуля-то?

– ...И тогда мудрейшие из вампиров, заметив у части своих животных почти разумную способность подражать своими действиями действиям хозяев своих... – угу, угу, на вольный выпас. Класс первый, урок первый, глава первая. «Как вампиры людей из животных создавали». Так и будет весь учебник пересказывать? Этак мы и до утра с места не стронемся.

– Простите, светлейший Симеон, а можно вопрос? – Регинка все же не утерпела. Еще бы, она ж у нас отличница, не хуже любого старикана учебники пересказывает. – А мы сегодня увидим вампира? Хоть одного?

– Как ты спешишь, дитя. Куда ты так спешишь? – Старец, похоже, даже не рассердился. – Шанс есть всегда. Вампиры приходят на Гору. Порой. Но даже если вы не увидите вампира здесь – отныне вы будете встречать их в родном городе. И довольно часто. А теперь, поскольку предыдущая группа наконец ушла в лабораторию и освободила нам смотровую площадку, прошу к краю Бездны!

Так вот он, Город! Кажется, мы рванули, едва не затоптав дедулю, – за кусты, по дороге... и, ахнув, затормозили, не добежав шага до резкого, неестественного, внезапного... хотя знакомого по рассказам обрыва.

– Ну, что же вы, дети? – Старец был нетороплив, невозмутим, но почти не отстал. – Вы

замерли ровно в шаге от истины! Бездонная Бездна ждет своих героев. Кто из вас осмелится сделать последний шаг и, балансируя на краю, бросить орлиный взор на Великий Город за провалом вечности?!

И узнать, успеешь ли досчитать до миллиона? Спасибо, что-то не хочется.

А Петерс шагнул. Пока другие охали, вздыхали, примеривались, он, с каким-то вдруг повзрослевшим от невероятной серьезности лицом, шагнул на самый край и даже чуть дальше, так, что пальцы его зависли над пропастью. Пошатнулся, взмахнул руками – и уперся в прозрачную стену. Потом прижался к этой стене – сначала ладонями, потом лбом, а затем и всем телом, сотрясаясь от беззвучного плача.

– Да, это так. – Голос светлейшего Симеона был спокоен, а рука, легшая на плечо Петерса, тепла и надежна. – Создатели наши вампиры в великой мудрости своей берегут вас, чада. Они подарили вам жизнь. Нам всем ее подарили. И им не нужна ваша смерть – ни по нелепой случайности, ни в виде благородной жертвы. – Он помолчал, затем продолжил: – Но порыв – порыв прекрасен. И потому стена невидима, и каждый пришедший может измерить глубину своего сердца. Вампиры, возлюбив нас более, чем себя самих, сумели отказаться от нас, даровав нам бесценное: жизнь, свободу, разум. Можем ли мы, отринув все страхи и сомнения, шагнуть им навстречу, веря, что они не дадут нам упасть, что нас поддержат их ласковые невидимые руки? Можете ли вы?

Да, старец был мастер! Даже меня пробрало, и я тоже шагнула вперед, на самый край и немного больше, чтобы тоже встретиться всем телом с ласковой надежностью этой теплой податливой стены. Да, она чуть прогибалась под пальцами, подо лбом, под грудью, не сдавливая, но и не отпуская, давая возможность устроиться поудобнее и, представив, что паришь над вечностью, устремиться взором туда – в Город.

Город! Воспетый в стихах и балладах, описанный в сотне сказок и известный наизусть по тысяче чужих пересказов, наяву он был неизъяснимо, невыразимо прекрасен! Высокие стены светлого, сияющего на солнце металла, словно вырастающие из края Бездны. Бездонной Бездны, именуемой также Адской, в которую сбросил некогда Владыка Вампиров (не нынешний, а прошлый или даже позапрошлый) восставших вампирских отщепенцев под предводительством сына своего Дракоса. Ибо не смогли Дракос и его прихвостни понять любви отца своего к тем, кого не именовали больше животными. Не смогли увидеть в них существ, наделенных разумом и правом на вольную жизнь. Поклялись отнять у них эту жизнь, у всех до последнего. И сбросил их Владыка в пропасть адскую, и проклял, и столь сильно было его проклятие, что не могли более Дракос со товарищи белый свет видеть. Первый же луч солнечный убьет их. Вот и сидят они в Бездне, ибо солнцу туда, как известно, не проникнуть. Я любила эту историю в детстве, а потом прочла в какой-то умной книжке, что это просто сказка, не подтвержденная источниками. И в вампирских хрониках и близко нет ничего похожего. А стена вот есть. Интересно, зачем им стена? Край обрыва укрепляли?

А за стеной возвышались башни. Причудливые, немыслимые, невероятные. Некоторые просто парили в воздухе, лишённые опоры, окруженные облаками, связанные с другими лишь тонкими веревочками переходов. Между башен, то там, то здесь, мелькали воздушные машины – без крыльев, парусов и моторов. Раскрашенные в разные цвета, они проносились в воздухе вспышками волшебной радуги. Не одна я подавила завистливый вздох. Вампиры летают: они сами, их машины, их башни! А людям летать не дано. Да, мы построили свои машины, но они могут только ездить, а взлететь – увы и ах! И остается только мечтать, что когда-нибудь люди тоже воспарят под небесами. Мы же люди, мы разумны и свободны. А

значит – сможем!

– Возвращайтесь, ребята. – Спокойный голос светлейшего старца вернул к неумолимой действительности. – Нам надо идти в лабораторию. На Великий Город можно любоваться вечно, а свой Долг создателям лучше отдать уже сейчас.

Нет, нет, нет, я же еще ничего не рассмотрела! Ни дворец Владыки, ни Зал Великих Советов, и я же хотела увидеть поля! Где-то там, за городом, должны быть поля, где вампиры выпасают своих животных – наших предков. Вернее – потомков наших далеких общих предков. Интересно, а они ходят на двух ногах? Или это уже мы, разумные, на две встали, а они так и бродят – на четырех?

Похоже, не только я зависла на краю обрыва. Новый голос был не столь благостен.

– Дети, ну что такое? Вы намерены сорвать нам план мероприятия?!

Та-ак, бровки крашенные, щипаные, неодобрительно сведенные. Ручки в бочки упертые. Голосок препротивный, халатик беленький. Явно не о такой вампирше мечтал Петерс, балансируя над пропастью. К счастью, она и не вампирша. Обычная человеческая тетка. Которой даже кровь по пробиркам разливать не доверили. А уж гонору-то... А вот очарование прошло. Ну, вампиры, город, пропасть, где-то там, когда-то давно. Вампирам мы не нужны, потому и не приходят. И две стены возвели, чтоб мы к ним сами не лезли. И долги никакие не требуются. Потому что – либо мы свободны, либо по уши в долгах. А все остальное придумали люди: и ритуалы, и кровопускания. Потому что кого-то хлебом не корми, дай кому-нибудь поклоняться. И еще соседей потыкать: я-то вон какой, верный, помнящий, а вы, вы?

– Так, дети, строимся и идем в ритуальную комнату, где вы должны обратиться с просьбой добровольно отдать свою кровь... – боже, ну что за мерзкий, самоуверенный голос! Я же их еще и просить должна, чтоб они из меня кровь ради своего тщеславия выкачивали!

– Простите, светлейшая, – не удержалась, встряла. – Я как-то не очень поняла: «должны» или все ж таки «добровольно»? По своей воле я бы вот здесь еще часок постояла.

– Рот закрой. – Мелкие глазки буравили меня с откровенной ненавистью. – Тебя сюда не умничать привезли, а священный Долг Крови отдавать. Пойдешь куда скажут, когда скажут и сделаешь, что велено. Распустились! Недоростки желтопузые будут у меня в священном месте права качать!

– В вашем священном месте? – Ненависть уже душила и меня. – А вы личное с общественным не в космических масштабах спутали? И я уже, увы, не недоросток! Я тут как-то резко выросла, вас наслушавшись! И вы можете катиться – добровольно – хоть к принцу Дракосу в гости! Я вам – ничего – не должна! Ни капли! Ни сейчас! Ни потом! Никогда! – Злые слезы потоком катились по моим щекам, и я презирала себя за это. Слезы – это признак слабости, а я не слаба! Хамка, ну какая ж хамка, ну надо ж было так все испортить!

– Если ты немедленно не прекратишь истерику, я буду вынуждена позвать стражу!

– А я буду вынужден писать записку о вашем служебном несоответствии на высочайшее имя. – В голосе говорившего слышалось явное сожаление, что придется заниматься такой ерундой, и смирение: раз надо, так надо.

– Ка... – начала было воинственно разворачиваться к нему раскрасневшаяся тетка, но внезапно впала в ступор, стремительно бледнея. А он сделал шаг вперед из-за ее спины. И тут уже в осадок выпали и я, и весь наш класс, и светлейший Симеон в придачу.

Потому что этот уже точно был вампир.

Чуть удлиненное лицо, гладкая кожа, не несущая на себе примет времени, миндалевидные серые глаза с вертикальным кошачьим зрачком, длинные волосы, чистым серебром струящиеся ниже плеч. Стройная высокая фигура, облаченная в длинный черный камзол, расшитый серебром, и черные же бриджи, заправленные в высокие обтягивающие сапоги. Тоже, разумеется, черные. Широкие рукава сорочки цвета грозового неба делали еще ярче цвет его внимательных глаз, оттеняли сказочное серебро волос. Словно в трансе, я разглядывала его, стремясь запечатлеть в мозгу каждую черточку его прекрасного облика. И, судя по затянувшейся паузе, не я одна.

Он стоял очень спокойно, словно боясь спугнуть нас неосторожным жестом. И только переводил взор с одного на другого, рассматривая и словно лаская взглядом наши лица. Как же нам повезло, как же нам невероятно повезло встретить при Переходе вампира. Кажется, даже примета такая есть, что если в День Перехода ты встретишь на Горе вампира, то... не помню, все мысли вылетели под ласковым взглядом этих нечеловечески прекрасных глаз. Что-то хорошее. Или волшебное. Или сказочное. А я устроила отвратительную истерику. Ну подумаешь, какая-то дура не теми словами не так выразилась. Мне до нее было что? А он пришел. И услышал весь этот безобразный лай.

Наверное, что-то дрогнуло в моем лице. Потому что он чуть улыбнулся и подошел. И взял меня за руку своими длинными красивыми пальцами.

– Не переживай. У всех бывают срывы. Для тебя это важный волнующий день, а она уже давно забыла, что чувствовала, когда стояла здесь впервые. – Его спокойный голос согревал, а пальцы были чуть прохладны, но это тоже было приятно, как невыразимо приятен сам факт, что он, вот здесь и сейчас, существует.

– Пожалуйста, скажите в лаборатории, что до конца рабочего дня еще есть время, и его не надо сокращать искусственно, – обернулся он к тетке. Та судорожно кивнула. – Группа подойдет через пятнадцать минут. И я уверен: их светлейший гид сумеет сам отыскать дорогу и показать ее своим подопечным.

Тетку снесло. Еще бы, мнила себя самой главной, и тут такой пинок... Да бездна с ней, я же хотела спросить у него, пока он еще здесь, пока держит меня за руку. Спросить у него – что? Мысли предательски разбежались, и я отчаянно пыталась поймать хоть какую-нибудь.

– Простите. – И он обернулся на мой голос, и вновь взглянул своими невероятными, сказочными глазами. – Скажите, неужели вам и правда все это нужно: все эти пробирки, кровопускания, ритуалы?

– Нет, – его взгляд был очень серьезным и очень открытым, – все это нужно вам. Людям пока не хватает силы духа взять на себя ответственность за то, что происходит в их мире. Они подсознательно ищут старшего, чтобы спихнуть ответственность на него. Так что не разрушайте эту кумирню, ваши сородичи тут же воздвигнут новую. И как знать, возможно, новые боги потребуют резать на алтарях младенцев...

– Но вы не боги.

– Тем мы и хороши. – Он лукаво улыбнулся, и волна его неземного обаяния прошла сквозь меня, едва не сбив с ног. – И если ты не хочешь сдавать кровь, ты не должна ее сдавать. Мы не голодаем. Идея была в том, чтоб только те, кто искренне и от всей души хочет поделиться самым дорогим на свете... как порыв, как поступок – понимаешь? Но столетия превратили все в скучный обряд.

Он замолчал, не отпуская моей руки, и я молчала тоже, замирая от счастья, моля, чтоб мгновение продлилось. Его очарование накрывало нас хрустальным куполом, где не было

места завистливым взглядам всего класса, недоумевающего, за что же мне такая невиданная честь. Я видела их всех словно стоящими в другой, параллельной реальности. В моей же был реален только он, прохладные пальцы его руки и я.

– А знаешь, – он вновь заговорил, и глаза его словно бы стали глубже, – ты могла бы отдать свою кровь мне. Лично мне.

Я моргнула. Хрустальный купол дрогнул, но он не заметил этого и продолжил:

– Свет твоих глаз обжег мое сердце...

Купол взорвался. Осколки разлетались по округе моим безудержным смехом, я непроизвольно выдернула руку и прижала ее к животу, сгибаясь от хохота:

– Какого сердца? Нет, ты мне скажи, какого сердца?

Почти что бог, в которого я почти влюбилась, растерянно моргал.

– Ты, вообще, анатомию в школе изучал? Есть у вас вообще школы в божественном вашем Городе? Это где ж ты у вампиров сердце видел? Вы ж всю жизнь через желудок кровь качаете!

– Что, в ваш анатомический театр подвезли парочку вампиров, а я пропустил? – нашелся, попытался соответствовать. Но было уже поздно, морок рассеялся. Тот, кого я приняла за источник тысячелетней мудрости, оказался третьесортным опереточным охотником на молоденьких дурочек. За свежей кровью. И ведь, наверно, ни словом не солгал. Действительно, зачем им в пробирке? Можно так.

– Прости, но ты не герой моего романа. – Смех растаял. Остались разочарование и усталость. И я обращалась к нему на вы? – Моя подруга всю жизнь мечтала, поднявшись на Гору, услышать именно эти слова – про глаза, опалившие сердце. Ты угадал их почти дословно. Или это у вас стандартный такой подкат? В любом случае – спасибо, ты помог мне определиться: я не дам своей крови ни тебе, ни им, – я кивнула на лабораторию, – никому другому. И если это не ложь и дарованная вами свобода действительно превратила вчерашних животных в людей, так зачем нам опять идти доиться? Прощай.

И я отвернулась к обрыву, но он удержал меня:

– погоди, дай взгляну еще раз в твои глаза.

– Опять дешевый развод?

– Нет. Просто еще никто никогда не отказывал мне в моей просьбе. Ты первая. Пытаюсь понять, откуда в тебе... столько свободы.

Обернулась, посмотрела в его серебристые глаза.

– Понял?

– Нет. Придется еще встречаться. А пока познакомь меня со своей подругой.

– ?

– Той самой, что ждала меня всю свою жизнь.

– Она ждала не тебя, она ждала ЛЮБОГО вампира.

– А я прекрасно вписываюсь в эту категорию. Мы, вампиры, народ не гордый. Так познакомь, а не сиди, как собака на сене. Или ты передумала отказываться от моих страстных объятий?

– Ты просил крови, а теперь предлагаешь объятия?

– Мне кровь, тебе объятия, не прогадаешь. – Его рука змеей обвила меня за талию. – Кровь сладка, мои объятия будут нежными. – Он почти шептал, пристально вглядываясь в мои глаза, лаская рукой, словами, взглядом.

– Руку, маньяк долгоиграющий!

Он отпустил, отступил на шаг, посмотрел с любезной улыбкой. А чтоб тебя.

– Лиза! Он, по-моему, тебя ищет!

Лизка, бледная, с прокушенной губой, смотрела на меня с неверием и мукой.

– Да иди ж ты к нам! Я просто своими воплями его немного дезориентировала. А нужна ему ты, и только ты!

И голубые глаза ее, полные слез, вспыхнули надеждой, потому что он протянул к ней руку и улыбнулся. А я уже знала, как он умел улыбаться: тебе, и только тебе, одной на всем свете. И, пока она преодолевала те три шага, что нас разделяли, бросила ему с усмешкой:

– Тебе – любая, ей – любой, да вы нашли друг друга.

И отошла, чтобы не слышать, как он рассказывает ей свои вампирские сказки. Но не могла не видеть, как он говорит ей что-то, а она счастливо смеется в ответ, соглашаясь, и светлые пряди падают ей на щеку, а он приподнимает их кончиками пальцев и подносит к своим губам. Потом я все-таки отвернулась. А они ушли.

Светлейшей Александре, вопреки всем нашим гнусным домыслам, не дано было вновь подниматься на Гору, и она ждала нас у ворот. То, что Лизы с нами не будет, ей, должно быть, уже сообщили. Потому что, бодро пересчитав нас, она спокойно сказала: «Все на месте» – и велела грузиться в автобус. Место рядом с Региной было свободно, и все косились на него, но никто ничего не говорил.

Я была абсолютно спокойна, разглядывала тянущиеся за окном пейзажи и верила, что все эмоции и страсти оставила на Горе. Но тут Петерс ткнул меня в плечо и бросил:

– Ну ты, Ларка, безумная: такого вампира подруге подарила!

И я безудержно, горько, но из последних сил беззвучно, разрыдалась.

* * *

Наш город не был ни самым большим, ни самым старым из тридцати восьми городов Страны Свободных Людей. И столица была не у нас, и до Страны Вампиров было куда ближе из той же Усть-Каменки. Зато у нас был университет. Знаменитый на всю страну Государственный университет Светлогорска. Хотя почему он был именно у нас, кто и когда его здесь основал, предания умалчивали. Наверное, что-то было об этом в архивах, ну да кто ж смотрел? Ну, был и был. Здорово. Потому что продолжать учебу я собиралась именно там, и возможность не покидать родные стены грела душу. Жизнь в общежитии меня не привлекала, конфликтов с родителями не было. Да и не была я, наверно, готова менять свою жизнь как-то слишком уж кардинально. Ну, посещала одно учебное заведение. Теперь буду посещать другое. Если буду, конечно. Со всей страны желающие съезжались.

И потому полная и безграничная свобода, ждавшая нас, как мы верили, сразу за школьным порогом, обернулась нервной подготовкой к поступлению. Попыткой что-то еще пересмотреть, дочитать, выучить. Беготней в приемную комиссию, опасениями, что каких-то там документов, баллов, выписок мне не хватит. Страхом, что учиненный мной на Горе скандал и категорический отказ сдать кровь кому бы то ни было выйдут мне боком. Но, видать, вампир попался не злобный, обиды не затаил.

То, что произошло на Горе, преследовало меня долго. Не одну ночь провела я без сна, вновь и вновь прокручивая в памяти произошедшее. С теткой поскандалила безобразно. Надо было смолчать. Но если так, то встретила бы я тогда вампира? Возможно, не будь моих

криков – он бы и не подошел. Ко мне – так уж точно нет. Я не уродка, конечно, но неземною красой блистать тоже пока не выходит, и покраше видали. А мне было нужно, чтоб он подошел? Да, вот этого я не отдам: ни рук, ни слов, ни взглядов. А вот что не оценила его интересного предложения и буквально втолкнула в объятия подружки? Было ли мне жаль? Ведь я, а не она могла бы уйти с тем серебряным видением и познать страсть, потеряв девственность не абы с кем, с бессмертным... Если честно, только себе самой? Я вспоминала его глаза, его руку на моей талии. Не помню, чтоб почувствовала что-то особенное. Так меня и Петька обнимал. И не так, что уж греха таить, обнимал тоже. И даже целовались пару раз. Не то чтоб это было всерьез, да и что с несерьезным Петерсом возможно всерьез? Но это было приятно. Больше любопытно, конечно, но и приятно тоже. Ласковые прохладные руки вампира каких-то особых желаний и фантазий не будили. Попыталась вспомнить его губы. И поняла, что не помню. Совсем. Помню, как смотрела в его неземные очи и млела от счастья, что столь невероятное создание, живущее под этими звездами больше, чем я могу себе представить, проявило участие ко мне – просто девочке. И свое разочарование помню, словно я пришла за автографом к величайшему мудрецу, а он предложил мне по-быстрому потрахаться... Нет, мне не жаль, и случись все вновь, я бы вновь отказалась. Жаль, что он оказался не из моей сказки. Жаль, что я вообще напридумывала себе какую-то сказку про Великих и Мудрых вампиров, учителей человечества. Нет, одному он меня все-таки научил: вампиры пьют кровь, нашу кровь, и это единственное, что им от нас нужно. Они не видят в нас собеседников. Только сосуды.

Про Лизку я, конечно, вспоминала, и часто. Но времени встречаться с ней катастрофически не было. Хотелось верить, что у нее все хорошо, что потеряла она на той Горе свои кровь, девственность и розовые мечты, а теперь с прояснившимся разумом готовится к поступлению. Она тоже собиралась в университет, правда, не на медицину, как я, а на исторический. Это были совсем другой корпус и совсем другие экзамены, так что пересечься случайно мы не могли. Но я думала, вот увидим себя в списках победителей, а тогда уж и встретимся, и отпразднуем, и поговорим.

Она пришла неожиданно, за день до последнего экзамена. Бледная, заметно похудевшая, но с лучающимися счастьем глазами.

– Лиза? – удивилась мама, открывая ей дверь. – А Лариса к экзамену готовится, у нее завтра последний. А ты, наверное, уже все сдала?

– Нет, тетя Лида, я не стала подавать документы.

– Как не стала, Лизонька, ты же так хорошо училась?

– Обстоятельства изменились. Завтра я уезжаю, вот, зашла попрощаться.

– Как уезжаешь, Лиза, куда? Вы всей семьей переезжаете? Папа новую работу получил?

– Мама, да отстань ты от нее, она ко мне пришла. – Я не выдержала, буквально выцарапала у нее Лизку и затолкала к себе в комнату. – Я тебе потом сама все расскажу. Если будешь хорошо себя вести и не станешь подслушивать. – И непочтительно захлопнула дверь почти у нее под носом.

– Вот нужны вы мне, подслушивать вас. – Мама ушла на кухню и демонстративно загремела посудой.

Я усадила Лизку на свою кровать, мигом забыв про все учебники. Уселась рядом, обняв подушку.

– Давай рассказывай, Лиз, что случилось: почему ты не поступаешь, куда уезжаешь? Надеюсь, этот чертов выпендрожник с Горы Ненужных Заветов не обидел тебя? Ты же не из-

за него сбегаешь из города? Он что, тебя преследует?

– Ох, Ларка, какая ж ты смешная. – Лиза уселась поглубже, опираясь спиной о стенку и поджимая колени к подбородку. – Какой выпендрейник, какие заветы, кому и зачем меня преследовать?

Она смотрела на меня, улыбаясь, и было что-то в ее улыбке. Так мать смотрит на любимое дитя, трясущее погремушку.

– Ну, не знаю, Лизочка, последний раз я оставила тебя в объятиях одного весьма кровожадного и сладострастного вампира. И тут такие перемены! Не знаю, что и думать.

– Да что тут думать, Ларка? Я счастлива, я бесконечно, сказочно счастлива!

– Он был настолько хорош?

– Он – есть! И да, он невероятно, невообразимо, беспредельно хорош!

– Так, Лизка, кончай гнать пургу, расскажи нормально, все ж таки не каждая с вампиром встречается. Он пил твою кровь?

– Конечно. Он же вампир.

Уже хотела было спросить откуда, но, вспомнив Петерса, поняла, что ни к чему нам такие подробности. Спросила иначе:

– И вы занимались любовью?

– Ларка, ну какая ты темная! Конечно, мы занимались любовью. Мы только и занимались, что любовью. Потому что само это действие, когда он вонзает в твою плоть свои зубы, уже любовь! Когда ты чувствуешь его зубы глубоко в себе и сам ток крови меняется от его жадного вдоха, все тело обдает таким жаром блаженства, что уже нет других желаний, только слиться с ним, раствориться в нем, отдаться ему без остатка всем: телом, душой, кровью! И он владеет тобой – жадно, неистово, подчиняя, повелевая, превращая тебя в себя!

Глаза ее мечтательно закатились, щеки покраснелись, на губах блуждала сладострастная улыбка, словно она вновь была там, с ним – отдавая, отдаваясь, любя. Она словно светилась счастьем и даже мудростью какой-то, будто познала истину, недоступную прочим.

– Лизка, это было два месяца назад. И ты по-прежнему живешь этой встречей? Проснись, пора идти дальше!

– Дальше уже не надо, Ларис. Я уже пришла. К тебе. Чтобы рассказать, что эти два месяца были самыми счастливыми в моей жизни, потому что мы с ним почти не расставались, а завтра я вообще улетаю к нему. Навсегда.

Так, что-то я вообще перестаю понимать. В такую любовь вампира и девы поверить я была решительно не готова, но раз Лизка говорит, что все именно так, а все мои знания о вампирах в детских книжках вычитаны да из пустого места высосаны...

– Я была уверена, что вы расстались уже наутро и более никогда... – растерянно выдала я. – Он что, жениться на тебе собрался?

Лизка рассмеялась. Она смеялась, смеялась, а в конце неожиданно расплакалась.

– Лиза, Лиза, ну что ты? – я растерянно обнимала ее, прижимая к себе, как ребенка, гладила по растрепавшимся волосам, – ну перестань, я же ничего не понимаю в вампирах, я не хотела тебя расстроить, просто объясни.

Она объяснила. Успокоилась и объяснила. Второй раз она увидела его в больнице.

– В больнице? А что ты делала в больнице? Болела? Или навещала родных?

– Приходила в себя после бурной ночи. Он выпил больше, чем изначально рассчитывал, он сам мне потом признался, ему было со мной слишком хорошо и он не мог остановиться, а

потом я потеряла сознание и очнулась уже в больнице. Приходила в себя несколько дней, меня кормили там витаминами и поили всяческой гадостью, а потом пришел он с огромным букетом роз...

– Весь в черном-черном, как на похороны? – не смогла удержаться я. – Так может, он на похороны и шел, а тут такой облом, говорят: да жива она, ваше вампиршество, не докусали.

– Ларка, прекрати! Вечно ты смеешься, где не смешно. В нормальном он пришел: в светлых брюках и рубаше с короткими рукавами.

– О, так мы ходим в нормальном? А что ж тогда на Гору так вырядился? Как принц вампиров из детской книжки?

– Да какая разница как? Лара, ты будешь слушать? А то решу, что ты попросту ревнуешь!

– Ревную к чему, Лиза? К тому, что тебя едва не убили? Я с головой дружу покамест!

– Дурочка ты. Ты ничего, ничегошеньки не поняла. Он подарил мне блаженство. Это не передать словами, это сравнить вообще не с чем. Вот понимаешь, в целом свете нет такой вещи, которая бы стоила того, чтоб отказаться от его любви.

– Есть. Жизнь.

– Нет, Ларка. Ты просто не понимаешь, потому что сама еще не испытывала. Жизнь не нужна, если взамен можно получить такое счастье.

– Жизнь нужна всегда. И в жизни бывает очень-очень много счастья. По самым разным поводам.

– Да, наверное. – Лиза опять улыбалась. Тихо, мечтательно. – Вот представь: долгая-предолгая жизнь. А счастья на эту жизнь отпущено – чашка. Полная до краев, но всего одна. И оно разбрызгано по этой жизни мелкими-мелкими капельками – чтоб на всю хватило. И ты бредешь по ней, слизывая эти капельки: с каждого листочка, с каждого кусточка. Да, их много, но жажды так никогда не утолить. А его любовь дает мне возможность выпить всю чашу сразу – до дна! Представляешь: все отпущенное тебе в жизни счастье пережить за одну только ночь!

– А потом? Если чаша всего одна?

– Вот это я и пытаюсь тебе объяснить: потом жизнь уже не нужна.

Я молчала. Она улыбалась. Сидела, обняв колени, и улыбалась. Мечтательно, совсем немного печально и очень-очень светло.

– Так, погоди, – удалось мне немного собраться с мыслями, – я что-то все же отчаянно не понимаю. Он тебя не бросил. Едва не убил своей «любовью», но не бросил. Вы встречаетесь. Уже два месяца как. А завтра, если я все правильно поняла, ты вообще к нему переезжаешь. При чем тут тогда все эти чашки и почему тебе жизнь не нужна? Вот хотя бы чтоб жить с любимым, пригодилась бы.

– Потому, что он вампир, Лара. А высшая форма любви для вампира – это смерть!

– Чья? – Нет, что-то я тупею от этих экзаменов. Хорошо, что на медицинский не сдают философию.

– Ну не вампира же! Все уже решено, я подписала сегодня все бумаги, мне разъяснили все пункты, я со всем абсолютно согласна. Просто пришла попрощаться. После родителей ты мой самый близкий человек в этой жизни.

– Я тоже тебя люблю, Лиза, погоди, какие документы ты подписала? – Вот тут мне уже стало страшно. Не сильно, еще не так сильно, но неприятный холодок уже пополз.

– Стандартные. На кровь и плоть.

– Что?

– Это обычная процедура. Согласно действующему законодательству, вампир не имеет права пить кровь человека без его на то согласия, выраженного в письменной форме в присутствии адвоката.

– А плоть?

– Это так называют для краткости. Имеется в виду, что кровь будет выпита в ходе сексуального контакта.

– Круто. Этим законам нас в школе не учили. Погоди, а почему ты подписала документы только сегодня? А раньше он что, пил твою кровь незаконно?

– Тоже законно. Документы составляются заново на каждый контакт подобного рода. Первый раз мне объяснили все это на Горе, и я, не задумываясь, поставила свою подпись. Еще один раз был уже здесь, в городе. К сожалению, часто это делать нельзя, я долго восстанавливаюсь. Сегодня я подписала документы в третий и последний раз.

– Последний? Ты все-таки решила это прекратить?

Я, наверное, уже знала ответ. Просто очень боялась его услышать. Но услышала.

– Это прекратится само. Завтра я умру, Лара.

– Нет, погоди, погоди, Лиза, почему ты умрешь? Ведь вы уже делали это прежде, и ты же не умирала! Нет такого правила, чтоб в третий раз смерть! Ты восстановишься, а потом просто уйдешь от него, ты все правильно решила ничего более ему не подписывать. Или лучше уйди сейчас, ведь ты же можешь отказаться, передумать. Если боишься, что... – Слова летели камнепадом с гор, не позволяя мне осмыслить, осознать то, что она сказала. Я словно пыталась заглушить этой лавиной весь ужас ее спокойного лица, спокойного голоса, мечтательной улыбки. Я чувствовала, что не спасу, уже не спасу, она действительно все для себя решила, но может быть чудо свершится и она не умрет, ну почему, почему она должна умирать?

– Я ничего не боюсь, и я сама хочу этого всем сердцем! – дождавшись, когда поток моих бессмысленных для нее слов иссякнет, спокойно продолжила Лизка. – Я все знаю, все обдумала и просто хочу, чтобы ты знала, что это мое решение, и только мое. И никогда не винила себя, что не нашла для меня каких-то правильных слов. Таких слов просто нет в природе. И если мы свободны – то мы свободны выбрать, когда и в чьих объятиях умереть.

Она уходила от меня. От всех нас. Сидела здесь, рядом, на моей кровати, и уходила...

– Хорошо, если ты все знаешь, расскажи. – Голос стал какой-то охрипший, севший. Сил на выражение эмоций уже не было. – Почему ты завтра непременно умрешь?

– Завтра у Лоурэфэла день рождения.

– У кого?

– У него. Разве он на Горе тебе не представился?

– Нет. Продолжай, уже не важно. Просто я удивилась, что у него есть какое-то имя. Привыкла звать его просто «он».

– «Просто он», Лоурэфэл Сэвэрэасис ир го тэ Аирис празднует завтра свой триста пятидесятый день рождения.

– Да он еще так молод!

– И по обычаю народа вампиров, – не обратила на меня внимания Лиза, – созывает гостей, дабы отпраздновать это радостное событие.

– Обычай, известный не только у этого народа.

– Вот сейчас просто помолчи, хорошо?

Я кивнула. Она продолжила:

– И, как принято не только у этого народа, гостей угощают самым лучшим, что только есть в доме. А чтобы в доме было все самое лучшее, надо, как известно, не один базар обежать. Вот он и обежал. И нашел меня. И, попробовав, понял, что ничего чище, слаще и вкуснее моей крови в жизни своей не пил. И поэтому завтра он представит меня своим друзьям. Не всем. Только самым близким. И угостит. Кровью и плотью. Потому как пить кровь, не наслаждаясь податливой плотью, для них невкусно. Да и невозможно чисто технически. Там такая волна страсти накрывает после первого глотка, что никто уже собой не владеет...

Я не сразу поняла, что повисла пауза. Я ждала от нее чего угодно. Розовых слюней, соплей, рассказов про великую межвидовую любовь. Но не этого. Не так.

– И сколько будет... самых близких друзей? – с трудом выдала немеющими губами.

– Четверо. Он пятый. По традиции хозяин дома первый пробует напиток. И передает по кругу остальным гостям. Лоу сказал, для этого используют специальный небольшой бассейн, неглубокий, чтоб было удобно. Его наполняют теплой водой, и приятно, и мне будет не холодно. И кровь не остынет до самого конца. Ты же понимаешь, что после пятерых мне не выжить. Лоу сказал, что в его доме бассейн сложен из розового камня с золотыми прожилками и есть специальные устройства, они выводят на дно бассейна воздух, отчего по воде разбегаются тысячи пузырьков, а еще он обещал, что усыплет весь бассейн лепестками роз, подобных тем, что он подарил мне тогда, в больнице...

Я молча придвинулась к ней и обняла. Притянула ее голову к себе на грудь и стала укачивать, целуя ее глупые волосы. Она обняла меня в ответ, прижалась доверчивым котенком. Сгущались сумерки, затихали звуки за окном. И мы тоже молчали. Долго.

Потом я не выдержала:

– Ты ведь сейчас пошутила, да? Так же не бывает. Вампиры людей не убивают, это всем известно. Ну, могут выпить глоток-другой по обоюдному согласию, чисто символически. Они же сами нам подарили право на свободу, право на жизнь.

– И право распоряжаться этой жизнью. А я согласна ее отдать. Я знаю, что получаю взамен.

– Что получаешь? Если верить тебе, то групповое изнасилование со смертельным исходом.

– Если я согласна, то при чем тут насилие?

– Да притом, что нормальные люди так не любят! Так «любят» сволочи, извращенцы, негодяи...

– Он просто вампир, Лара, просто вампир. Они не люди, они другие. Они – ТАК нас любят, по-другому у них просто мозги не работают. И то, что он пригласил меня туда, – это высшая форма проявления его любви!

– Разделить с друзьями?

– С друзьями делятся самым лучшим. Лучше меня у него никого не нашлось.

– Возлюбленными с друзьями не делятся!

– А изысканные напитки не пьют в одиночестве.

– А ты...

– А я – его люблю. И то блаженство, что я испытываю, отдаваясь ему, мне не испытать больше никогда, никак, ни с кем. И если больше я никогда не буду в его объятиях, то зачем мне вообще быть? Как жить в мире, когда выпита вся радость? И потому умереть завтра в его руках – это самое лучшее, что еще может со мной произойти.

– Ага, и в руках его подельников.

– Он будет первый, а потом уже не важно. От его укуса охватывает такая страсть, что и не разберешь: кто, что и как с тобой делает. Это будет бесконечное блаженство в бассейне из розового камня, среди розовых лепестков и миллионов пузырьков воздуха. До последней капли моей крови, и даже на капельку больше.

Я не знала, что ей еще сказать. Как убедить, достучаться. Да и Лизка, похоже, уже сказала все. И мы просто сидели, обнявшись, долго-предолго, и был только стук ее сердца, такого горячего и живого, где-то совсем рядом с моим. И я убеждала себя, что даже если она в это верит, совсем не обязательно этому быть правдой. Моя глупая впечатлительная Лизка просто сошла с ума после той встречи на Горе. Мозг не выдержал обрушившегося счастья. Еще бы, мечта всей жизни вдруг раз – и исполнилась. И она потерялась в лабиринтах своих фантазий, в переходах от надежды к отчаянью. Вон и вампирчик у нее – то душка, то мерзавец, даже меня запутала. Но ничего, все пройдет. Со временем все пройдет. Завтра после экзамена зайду к ней домой, поговорю с родителями, и все прояснится. И не останется ни убийств, ни розовых лепестков.

В окне все ярче горел серп луны, и мы даже вспомнили с ней, что луны молодой, потому что похож на петельку от «р», а вот был бы похож на «с», значит, был бы – старой.

А потом она ушла.

Обернулась с порога:

– Не грусти. Знаешь, есть такая примета: если в День Перехода встретишь на Горе вампира, жить будешь не долго, но беспредельно счастливо. Ты просто запомни: я была очень счастлива все это время, и даже умру, растворившись в счастье.

* * *

Экзамен помню урывками. Повезло, что это была химия, а не сочинение. Всевозможные формулы в нас в школе вбивали крепко, по принципу «чтоб и ночью разбуди», а вот в сочинении требовалось бойко излагать собственные мысли, а мыслей у меня в тот день не было. В голове свистел ветер, то завывал, становясь ураганом, так, что даже в глазах все темнело, то утихал, шурша листвой в садах, и в эти минуты я могла видеть вопросы своего билета и даже соображать, что тут от меня хотят. Хотели многого. Но это было ерундой по сравнению с тем, чего хотела я. Лиза, Лиза, Лиза, какие кислоты, какие щелочи?! Вот просто есть на земле одна девчонка. Красавица, умница. Помогает маме, слушается старших. Вот пусть и дальше живет. Помогает, радуется, слушается. Или не слушается, не радуется, не помогает. Пусть только живет! Ну что за бред, вокруг тысячи людей, и все они бывали на Горе, и никаких вампиров! Почти у всех моих знакомых были бабушки, дедушки – прожили всю свою жизнь и не получали никаких сомнительных предложений: руки и розового бассейна. Почему она? Почему Лиза? Почему моя Лиза?

Все это бред. Так не бывает, я бы знала! Если это обычай, если это норма, значит, это происходит достаточно часто. Но тогда об этом должны говорить соседки, писать газеты, сочинять романы: человек, умерший ни за что, по собственной воле, для кого-то на ужин. Чем не герой для романа! Ах да, не на ужин, на десерт, они же не голодают! Нет, бред, бред, дурость. Сейчас закончится этот экзамен, и бегом к Лизке, у нее мама всегда дома, и все прояснится. Дурацкий розыгрыш. Она пошутила, а я купилась. Она ж знала, что я не фанат

команды вампиров, вот и наплела всю эту историю. Людям нравится, когда все плохое, что они подозревают в других, вдруг подтверждается, и я не исключение. Ладно, пусть. Сейчас разберемся. Сейчас допишу эти глупые вопросы, и мы во всем разберемся. Что там у нас дальше? «Вопрос 5. Формула крови».

Долго смотрела на вопрос, пытаюсь сосредоточиться. Вот здесь я могла бы написать сочинение. И про эритроциты с лейкоцитами, и про скорость оседания, и про суспензию в плазме. Вот только все это было на биологии, а здесь явно требуется другое, некое хитрое сочетание больших буковок с маленькими циферками, а я даже отдаленно не представляла себе, как это может выглядеть. И меня тошнит уже от слова «кровь». Хотя понятно: кто университет курирует, такие и вопросы. Что пьем, о том и поем. Они хотели искусственную кровь. Бились веками и не могли решить проблемы. Со всеми своими суперпродвинутыми наукой и техникой. Люди бились тоже, тем более что за решение была объявлена огромнейшая премия. Или потому, что иначе пили их кровь? Не, судя по Лизке, люди явно не против. А судя по мне – так очень даже против. Но питаются они все же животными, а животных никому не жаль. Мы вот тоже питаемся животными, правда другими, да не все ли равно. Вот пусть сами свою формулу и ищут. Наверное, я написала бы даже это, только ручка почему-то была неподъемная, а потом выключили свет.

Очнулась я дома, в своей постели. Болела голова, и хотелось пить. Хотела позвать маму, но поняла, что горло распухло, изо рта вырывается только хрип. Попыталась встать, но не хватило сил, и я повалилась обратно на кровать. При этом, к счастью, задела стул, он упал, и на грохот прибежала мама.

Она меня, конечно же, напоила и даже попыталась накормить, и все говорила, говорила, радуясь, что я наконец-то могу ее слушать, и мне даже не пришлось ничего спрашивать. Оказалось, что я заболела прямо на экзамене, поднялась высоченная температура, я потеряла сознание. Сказалось нервное напряжение от поступления в такое престижное место, серьезнейшее переутомление, к тому же ослабленный организм подхватил по дороге какую-то заразу – и вот результат. Благо, врачей вокруг хватало, диагноз поставили быстро, и я была под хорошим присмотром, пока в университет срочно вызывали моих родителей, чтобы они забрали меня домой. Я провалялась в беспомощности три недели, бормоча в бреду что-то про формулы, розы и десерты. Но теперь уже все хорошо, я очнулась и быстро пойду на поправку. Мне надо только много пить, хорошо кушать и не забывать принимать лекарства. Да, в университет меня все-таки приняли, за последний экзамен натянули сердобольную троечку, поверив, что, не заболев, я смогла бы ответить лучше. За остальные экзамены у меня были пятерки, чудо, но этого хватило, и я прошла! Так что теперь мне можно ни о чем не волноваться, спокойно выздоравливать, чтобы к сентябрю быть готовой приступить...

– Лиза, – прохрипела я.

– Что, милая?

– Где Лиза?

– Так они ж уехали, милая, всей семьей, в Старицк. Дяде Жоре там хорошую работу предложили. Да и климат там получше, нет такой влажности для Лизочкиной мамы это важно, ты же знаешь, с ее-то чувствительностью...

– Ты точно знаешь?

– Ну конечно. Да к тебе ж Лиза сама приходила прощаться, ты забыла? Перед болезнью самой. Я у тебя-то тогда спросить не успела, ты на экзамен спешила, а потом – какие к тебе вопросы? Так я на улице Лизочкину маму встретила, она мне и рассказала. Адрес мне

оставила, поправишься – письмо им напишешь. Где-то он у меня в столе валяется, ну да тебе ж Лизочка, наверно, и самой дала.

Я откинулась на подушку. Хотелось спать. Только спать. Значит, Старицк. Я чуть не завалила экзамен от переживаний о ее несчастной судьбе, а она просто так пошутила. Чтоб надолго запомниться, видимо. И уехала в Старицк.

Вопреки маминым прогнозам выздоравливала я еще долго. И не поправилась к началу сентября. Пропустила Посвящение в студенты и все те золотые первые дни, когда толпа незнакомцев сближается, разбиваясь на группки и пары, разведывает новые дороги и правила: где какой кабинет, и что можно успеть во время большого перерыва, и даже закатывает свои первые вечеринки.

И когда я наконец влилась в их ряды, уже я была для них незнакомкой, и, наверно, не слишком привлекательной: осунувшаяся после долгой болезни, хмурая, раздражительная. И даже прохаживая в универ пару недель, ни друзей, ни приятелей среди сокурсников я так и не нашла.

А как-то вечером, под заунывный перестук тоскливого осеннего дождя, мама не выдержала и призналась. В тот день, когда я сдавала свой последний экзамен, Лиза умерла.

В прекрасном Городе, чьи освещенные солнцем башни возносятся выше облаков. Среди чудесных летающих машин и ажурных висячих мостов. Среди садов, полных невиданных цветов и экзотических птиц. Среди журчания причудливых фонтанов, под волшебные звуки музыкальных инструментов, каких не встретишь в стране людей. По неотъемлемому праву свободного человека: праву на выбор. В том числе – на выбор собственной смерти.

Они не вернули даже тело. Прекрасный вампир Лоурэфэл, избранный Лизой своим проводником в царство вечных грез, принес родителям Лизы только ее платье.

Глава 2

Куратор

Расписание занятий у нас было плотным. Но преподавали нам все же люди, а не вампиры. И потому – кто-то когда-то болел, кто-то когда-то не мог. И окна появлялись. Народ разбрехался кто куда, выбирая занятия по душе: хоть в библиотеку иди, хоть с милым целуйся. Некоторые устраивали шумные посиделки в буфете, некоторые обегали окрестные магазины. Я предпочитала парадную лестницу. Широкие беломраморные ступени вели на второй этаж торжественно, без изломов, единым пролетом. И упирались в огромные двери Зала Торжественных Собраний. Под аудиторию, насколько я успела понять, Зал не использовали никогда, хотя вместимость располагала. Было это связано с какой-то местной традицией, сути которой я не знала. Вообще, универ уже слегка раздражал меня отсылками ко всяческим непонятным мне традициям и заветам, выдававшимися каждый раз возвышенно и до одури серьезно. Высокопарно: «Согласно нашим древним традициям...», а дальше заявлялось что-нибудь несусветное, вроде: «По четным вы должны ходить по левой стороне коридора, а по нечетным – по правой». Почему? Ну, сказано же, согласно традициям. Мы очень гордимся нашими традициями.

По счастью, традиции не запрещали мне сидеть на балюстраде, ограждавшей лестничный проем по периметру. Я устраивалась в самой глубине, привалившись к массивной угловой колонне так, чтобы оказаться лицом к парадным дверям. Я любила рассматривать эти двери, декорированные вставками различных пород дерева и камня, всегда плотно закрытые, никем не тревожимые. За этими дверями проходило Посвящение в студенты, но я его проболела, упустив свой первый шанс попасть в «святая святых», но, возможно, мне удастся не проболеть выпускной, или по каким там еще датам туда пускают. Пока они нравились мне своей тайной, тем, что я там еще не была.

Я всегда брала с собой книгу, и временами ее даже читала. Но более всего она была нужна мне, чтоб отвертеться от общения с теми, общаться с кем я не слишком-то жаждала. Была у нас в группе парочка таких говоруний. Вообще-то я была им даром не нужна, но вот если никого из друзей рядом нет, а я есть, то можно говорить и со мной. Просто чтоб не молчать. Но как только в поле зрения появлялся кто-то из закадычных, можно отвернуться от меня, не договорив не то что предложения, слова, и уйти в беседу с товаркой. Меня тишина не угнетала. Я умела и молчать, если говорить не с кем или не о чем. И предпочитала молчать в таких ситуациях. А потому – всегда держала в руках открытую книгу.

Одну, неизменную, конкретную. Я таскала ее в сумке каждый день, вне зависимости от расписания занятий. Невзирая на то, что она одна весила больше, чем все прочие учебники вместе взятые. И не потому, что я испытывала особую любовь ко всей книге вообще или к отдельным ее страницам. Книга книг именовалась «Анатомия». И это была сказочная книга! Потому что действительно будет волшебной сказкой, если до экзамена мне удастся всю ее выучить.

Ведь я, увы, чаще действительно только держала ее, а не читала. Что-то умерло во мне на изломе этого лета. Ушли жажда знаний и жажда открытий. Я не была уверена даже, что все еще мечтаю быть врачом. Просто крутилась по инерции в этом мире науки, раз уж я сюда попала. А вот сблизиться я не хотела ни с кем, в этом я была уверена твердо.

И любимое место на лестнице вполне отражало мое место в студенческом мире. Когда люди начинали подниматься по лестнице – они были прямо подо мной, но далеко внизу. Когда заканчивали – были на одном этаже со мной, но далеко впереди. Когда люди шли вверх, они смотрели на двери зала, когда вниз – на коридор первого этажа, куда хотели попасть. На меня не смотрел никто, разве что мельком.

Я же, чувствуя себя в безопасности, разглядывала их внимательно, но отстраненно. Всех студентов я делила на вампироманов и нормальных. Вампироманы отчаянно косили под Великих. Юноши отращивали длинные волосы, согласно вампирской моде, и собирали их сзади в низкий хвост. Хвост полагалось скалывать длинной металлической заколкой – трубочкой, украшенной сложным геометрическим орнаментом. Насколько это было аутентично, я не знала: единственный виденный мною в жизни вампир в нашу единственную встречу хвоста не носил и заколки, соответственно, при себе не имел. Ну, разве что глубоко в кармане. Косящие под вампирш девушки, напротив, стриглись весьма коротко, так, чтоб пряди прикрывали лишь уши, оставляя обнаженной шею. Концам волос с помощью лака придавали вид максимально острый, угловатый, словно пряди-лезвия разлетелись и замерли в полете. И красили губы в очень яркий цвет. К счастью, только девушки. Вампироманы мужского пола без помады пока обходились. Но и те и другие обожали носить черные очки, якобы скрывающие их неземные вампирские глаза. И старались одеваться как можно более стильно и вызывающе. Была даже поговорка: «элегантен как вампир»; правда, в школе мы использовали ее скорее в плане иронии, а здесь она шла в качестве комплимента. Девушка-вамп могла запросто заявиться на лекцию в узкой красной юбке длиной всего чуть ниже колена, вампироманы мужского пола обожали до невозможности обтягивающие штаны, выставяющие на всеобщее обозрение все их мужские достоинства. Нормальные ребята ни под кого не косили, оставаясь самими собой: мальчишки стриглись коротко, девчонки растили косы. Красивые косы традиционно считались главным украшением и девушек, и женщин. Их растили всю жизнь, меряясь с подругами длиной и толщиной, но если молодые девушки заплетали волосы в две косы, свободно свисающие вдоль спины, то более зрелые женщины укладывали единственную косу венком вокруг головы. Чтобы обрезать волосы, да тем более столь коротко, как это позволяли себе псевдовампирши, нужно было иметь очень уж отчаянное желание выделиться. У меня такого желания не было никогда и в зародыше. Мои плотные темно-каштановые косицы давно свисали ниже пояса, еще в школе вызывая восторженные взгляды парней и завистливые – одноклассниц. В одежде я была столь же консервативна, как и большинство моих сверстников. Мы больше ценили практицизм и удобство, чем яркий нестандартный подход. И штаны, и юбки носились широкие, чтоб удобно было и сесть, и встать, и по лестнице пробежаться. Плотная немнущаяся ткань немарких оттенков, длина юбки – чуть выше щиколотки, чтоб пол не мести, не короче. Экспериментировать можно было с блузкой, меняя цвета, фасоны и аксессуары, да и то вряд ли я надела бы ярко-красный. Вампироманы в общей толпе встречались реже, где-то один на десяток среди младших курсов, и один на сотню у старших. Годы, видать, и вправду лечат. Или изучение курса психиатрии. Ладно, кому что.

Была середина октября, я сидела на своем любимом месте во время большого перерыва и меланхолично разглядывала народ, снующий вверх-вниз по лестнице. Вокруг меня тоже толпился какой-то народ, все болтали, смеялись, ругались, было шумно и многолюдно. И тут, вскрикнув, я пошатнулась и чуть не упала с лестницы. Спрыгнула на пол и, опершись двумя руками о перила, впилась глазами, уже понимая, что не ошиблась.

Я узнала его сразу, едва он, поставив ногу на первую ступеньку, появился в поле моего зрения. Даже со спины, с собранными в хвост волосами и в весьма затрапезной одежде. Мой вскрик был почти безмолвным, да и гомон стоял вокруг, но он, не то услышав, не то что-то почуяв, обернулся. Поднял голову и почти мгновенно нашел меня взглядом. Через секунду кивнул, узнавая, и даже махнул мне рукой, мол, не уходи. И стал стремительно подниматься по ступеням. И была в этой стремительности какая-то плавная, тягучая неторопливость, словно он вовсе не спешил, но был при этом быстрее всех.

Я не уходила. Просто смотрела на его стремительно-неспешное приближение, отстраненно понимая, что «элегантен как вампир» – это не об одежде, и никуда не уходила. Я ненавидела его. Больше жизни и больше смерти. Но сейчас – не чувствовала ничего. Вообще.

А он подошел.

– Здравствуй, Лариса.

Глаза вежливые, внимательные. Улыбка доброжелательная.

– Здравствуй, Лоу-как-тебя-там ибн что-то. Ты сегодня не в маскарадном?

Не оскорбился. Не удивился. Спокойно ответил:

– Он был не маскарадный, он церемониальный. Для официальных мероприятий в нашем Городе. Просто не успел переодеться. – И вежливо поинтересовался: – А «ибн» что значит?

Я мечтала убить его. А вместо этого произнесла с ответной любезностью:

– То же, что «ир го тэ», используется в детских сказках в именах персонажей, наделенных волшебными способностями.

– Ты наделяешь меня волшебными способностями? Какими, если не секрет? – все то же вежливое спокойствие.

– Лгать. Убивать. Зомбировать людей, в конце концов заставляя принимать твои безумные идеи за собственные.

– Что ты читаешь на ночь? – все то же непробиваемое, чуть озабоченное любопытство.

– Руководство по убийству вампиров!

– Его уже издали?

– Вашу цензуру нелегко было обойти, пришлось оборачивать в нотную бумагу.

– Лариса, ты пугаешь меня все больше.

Да? А мне он не казался особо испуганным. Народ вокруг нас притих, явно прислушиваясь к разговору. А кое-кто и просто пялился на вампира, широко раскрыв глаза и едва ли не разинув рты. Ну да, серебристые кудри, серебристые очи. Сама так когда-то стояла. Давно. Не здесь. И почти не я.

– Я бы хотел поговорить с тобой наедине, если это возможно.

– Ты, кажется, куда-то шел. Вряд ли ко мне.

– Я шел к своему другу, он работает здесь. И ты права – не ожидал встретить здесь тебя. Хотя давно думал о том, что нам следует встретиться.

– На предмет чего?

– На предмет твоих волшебных способностей. И, если боишься оставаться со мной наедине, мы можем пойти к Анхену вместе, уверен, его заинтересует наша беседа.

– Уверена, она не заинтересует меня. Скажи, Лоу, Анхен – это тот твой особенно близкий друг, в компании с которым вы СОЖРАЛИ МОЮ ЛИЗКУ?! – все же не удержалась, в конце фразы сорвалась на крик. И слезы предательски подступили к глазам.

– Да. – А он по-прежнему спокоен, словно обсуждает погоду. – Для тебя это важно?

Я даже не нашлась, что ответить. Для него вся эта история – меньше, чем ничто.

– Не переживай. Ты слишком сильно была привязана к ней. Даже теперь, когда ее нет. Это неправильно. Надо уметь отпускать, даже самых любимых. Иначе просто не выйдет жить дальше. Пойдем, поговорим спокойно. Хочешь – с Анхеном, хочешь – без.

– Убирайся.

– Хорошо, – он чуть коснулся моего локтя, – и прислушайся к моим словам: отпусти ее, не то она утянет тебя за собой.

Я хотела было ударить его по руке, но он уже убрал ее и, отвернувшись, отправился прочь.

– Лоу! – Я не могла его так отпустить. Я должна была что-то сказать ему, сделать – не знаю. Я никогда не думала, что буду делать, если его встречу. Я никогда не думала, что вообще встречу его вновь.

– Да? – Он обернулся все с тем же спокойным вежливым интересом. Сделал пару шагов назад: – Ты передумала?

– Я хотела спросить. Скажи, а человек в принципе может убить вампира?

– Никогда не слышал о подобных случаях. Даже о попытках. Расскажешь, если что-то узнаешь? Самому стало любопытно.

– Покажу, – мрачно пообещала я.

– Еще один нюанс, Лариса. Я знаю, наши имена сложны для человеческого восприятия, но «Лоу» – это только для самых близких. Ты, помнится, не захотела войти в эту категорию. Будет правильнее, если ты станешь обращаться ко мне Лоурэл, раз уж не в состоянии запомнить мое полное имя.

– Великий Лоурэл или Мудрейший Лоурэл? И я прекрасно помню твое имя, Лоурэфэл Сэвэрэасис ир го тэ Аирис, хоть и не ты мне его называл. Оно шикарно будет смотреться на могильной плите.

– «Великий» подойдет, «Мудрейший» тоже возможно. И у вампиров не бывает могильных плит.

– Одну я организую. Лично тебе.

– Это называется «навязчивая идея», Лариса. Это не ко мне, это на соответствующую кафедру. Насколько я помню – второй этаж.

Вежливо склонил голову в знак окончания нашей беседы, развернулся и ушел.

Не успела я сунуть в сумку ненужную уже книжку, как раздался новый голос. Ни спокойным, ни вежливым его нельзя было назвать.

– Это на каком же курсе у нас такие разговорчивые студентки водятся? – Возмущение просто переполняло невысокого сидящего мужчину.

Я его не знала, у нас он не преподавал. Завкафедрой. Какой-то. Кажется.

– Ну-ка, немедленно подойдите сюда! Имя, курс, отделение?

Подожла. Куда деваться. Мало мне вампира.

– Лариса Алентова, первый курс, лечебное дело.

– И кто же позволил вам, студентка Алентова, так позорить наши священные стены?! Кто разрешил в столь неуважительном тоне разговаривать с Великим, посетившим наше учебное заведение?!

– Я не думаю, чтобы мне требовалось ваше разрешение на выбор выражений в частной беседе, профессор.

– А я не думаю, чтобы при таком отношении вам удалось надолго задержаться в наших стенах! Извольте немедленно пройти со мной!

Пошла, проклиная свою несдержанность и мерзавца вампира. Вот мало мне самого факта его бессмертного существования, так еще и неприятностей сейчас, похоже, мешком отсыпят. Сразу к ректору поволочет? Или пока в деканат? Нет, похоже, к себе на кафедру для приватной беседы. «...Общей и биоорганической...» – успела считать с таблички раскрываемой передо мной двери. Ну да, обществу по защите вампиров только на биоорганике и заседать. Самое место.

Кафедра была пуста. Профессор молча указал мне, где сесть, нервно порывшись на своем столе, нашел лист чистой бумаги, выхватил из подставки ручку. Едва ли не швырнул это мне и отрывисто бросил:

– Пишите.

– Что? – опешила я.

– Ах, вот теперь «что»! Теперь она невинным ягненком прикидывается! – прорвало светлейшего биохимика. – Объяснительную пишите. На имя ректора. О причинах учиненного вами в общественном месте скандала, публичного оскорбления в стенах нашего университета высочайшего гостя и проявления в столь вопиющей форме неуважения к заветам наших предков.

– Простите, вы не напомните, что наши предки завещали нам делать с убийцами наших близких?

– Пиши, я сказал! И чтоб я не слышал от тебя не звука более, если не хочешь покинуть университет уже сегодня. Вернее завтра, так как сегодня, на твое счастье, ректор отсутствует. Но завтра, я полагаю, он с радостью освободит тебя от необходимости продолжать учебу на нашем факультете.

Я притихла. В тот момент, когда я увидела Лоу, мне захотелось схватить в охапку свои вещи и бежать отсюда навсегда. Отчислиться, чтоб никогда не ходить более по коридорам, оскверненным его дыханием. А вот теперь меня угрожали выгнать, и я поняла, что никуда не уйду! Да чтоб из-за какого-то мерзавца! Вот только как все это написать? Нет, надо успокоиться, взять себя в руки и найти правильные слова. Соответствующие безумному пафосу «этих священных стен»... «Оскорбление высочайшего гостя» – это ж надо! Да если б он хоть на миг, хоть на вздох оскорбился! Было бы хоть немного не так противно. «Оскорбленный вампир» – оксюморон, не иначе. Картина «Мальчик, оскорбленный яблоком».

Пытаясь отбросить лишние эмоции, старательно выводила на бумаге свои оправдания, надеясь угадать верный тон и понатуральней изобразить покаянную искренность. Профессор демонстративно пялился в какие-то книжки, временами искоса бросая на меня огненный взор.

– Давайте посмотрим, что вы там понаписали, – видать немного успокоился, раз снова начал обращаться на вы. – Так, «трагическая гибель подруги... горечь утраты заставила забыть...». Вот, очень плохо, Лариса, что частная смерть одного незначительного человека заставила вас забыть самое главное. Причину, по которой все мы, как отдельная ветвь эволюции, вообще существуем. И не просто прозябаем, а сумели создать развитое и процветающее государство, развиваем науку, культуру, искусство. Вампиры – наши великие духовные отцы, и все вместе, и каждый из представителей этого древнего и мудрого народа в отдельности. И глубочайшее уважение к ним каждый нормальный ребенок выпитывает с

молоком матери... Вот говорю я с вами, а у меня такое чувство, что я в детский сад пришел лекцию читать!

Он немного помолчал, глядя на меня с укором. Я сидела, пристыженно опустив глаза, уговаривая себя молчать, что бы он сейчас ни сказал. Вылетать из универа из-за несходства наших мировоззренческих позиций я была не готова.

– Видимо, мы поступим с вами следующим образом. Мне искренне хочется верить, что виной всему эмоциональное расстройство. И вы действительно сожалеете о случившемся. И потому я, как председатель Общественного Совета университета, не стану ставить перед ректором вопрос о вашем немедленном исключении. Но, – жестко продолжил он, глядя, как вспыхнули мои глаза и распрямилась спина, – неуважение, проявленное вами по отношению к Великому, воистину неслыханно и недопустимо! И потому вам будет занесен строжайший выговор в личное дело. По правилам университета третий подобный выговор является поводом к автоматическому исключению. Я надеюсь, что это заставит вас очень хорошо думать, прежде чем открыть рот. Также Общественный Совет направит официальные письма по месту работы ваших родителей, ставя соответствующие организации там в известность об их халатности, проявленной при воспитании дочери.

Удовлетворенно полюбовался произведенным эффектом. А эффект был, и огромный! Да если на работу придет такое письмо, отца могут запросто понизить в должности, а мать так и вообще уволить! Достойное воспитание ребенка является первостепенной задачей любого гражданина нашего общества.

– Не надо письма, профессор, пожалуйста, я вас умоляю, не надо письма! Я была глубоко не права, я раскаиваюсь, я клянусь, что никогда более, только не пишите им!

– Я вас более не задерживаю, студентка Алентова! Если поторопитесь, еще успеете к началу пары. – Светлейший председатель, весьма довольный моей реакцией, не только указал мне на дверь, но и лично открыл ее для меня, ибо не намерен был уделять мне больше ни минуты.

Я вышла из кабинета почти в слезах. Да что ж такое! Он с дружками убивает Лизку, причем самым извращенным и омерзительным способом. И не то что не скрывая, а даже гордясь содеянным, расхаживает среди людей, бродит по университету, а я ему слова не скажи! Да будь они людьми, им бы впаляли лет по пятнадцать каждому, но они вампиры, и потому это я, оказывается, тут главный гад, грублю Высоким Гостям. Недостаточно хорошо воспитана, чтоб осознать незначительность частной смерти перед лицом мировой истории!

Горько вздыхая, покорно побрела на лекцию. Прогул мне сейчас решительно ни к чему, да и учебник по основам медтерминологии был просто ужасен. Уж лучше слушать живую, так хоть что-то в памяти остается.

В аудиторию я попала прежде преподавателя. Бросила сумку на первое же попавшееся мне свободное место и рухнула на скамью. Не думать, не вспоминать, потом, дома. Надо как-то пережить этот день.

– Что, Ольховников сильно ругался? – Сидевшая рядом Марта не могла сдержать любопытства. К Марте я не относилась никак. Антипатии она во мне не будила, симпатии, впрочем, тоже. Полноватая, невысокая, с толстыми рыжими косицами, она просто была у нас в группе, и я даже помнила ее имя, так как на днях она сделала неплохой доклад по биологии.

– Заставил писать объяснительную, грозился отчислить, но передумал. И кстати, забыл сказать, что он Ольховников.

– Так всех же представляли в начале года!

– И ты всех помнишь?

– Его помню. Он очень долго тогда вещал о высоком нравственном облике. Ему, кстати, вампиры в свое время жизнь спасли, у него болезнь какая-то была, врожденная, неизлечимая. Ну, в смысле люди такое не лечат, а вампиры по своим методикам вылечили. Так что зря ты при нем с тем красавчиком разругалась! Он вообще слышать не может, когда о вампирах недостаточно почтительно отзываются. А ты кричать вздумала, да еще прямо в лицо! Что он тебе сделал-то?

– Красавчик? Убил мою подругу.

– Как убил?!

– Выпил. До последней капли крови.

– Ну, да разве ж это убийство! Меня б кто так убил! Представляешь: один укус – и ты умираешь от неземного блаженства! – Глупая мечтательная улыбка расплылась по ее усыпанной веснушками физиономии.

– Представляю. В лицах. Мне весьма подробно рассказывали.

– Ой, признайся, ты просто ревнуешь, что он выпил ее, а не тебя! Жалеешь, что не ты была на ее месте!

– Я очень жалею сейчас, что не ТЫ была на ее месте. Потому что тогда рядом со мной сейчас сидела бы моя любимая подруга, а тупой уродки по имени Марта не существовало бы нигде и ни в каком виде!

Она вспыхнула до корней волос, но даже отвечать мне не стала. Просто молча собрала свои вещи и отсела куда подальше.

Пока шли лекции, я хотела попасть домой, но когда все закончилось, мне стало реально страшно. Что я скажу родителям? Что они неправильно меня воспитали? И потому их карьера теперь будет выглядеть несколько иначе, чем они планировали? Они не заслужили, они действительно ничем не заслужили. А я? Чем виновата я? Что я такого сделала, чтоб выгонять меня, унижать, ломать жизнь всей моей семьи? Повысила голос на вампира! Ну вот надо же! Может, стоило сказать, что я безумно рада его видеть, очень благодарна ему за Лизу, она так счастливо закончила свою жизнь, и поинтересоваться, не обломится ли и мне хоть кусочек такого счастья? Похоже, что и Марта, и этот дракосов председатель по морально-нравственной политике считали, что следовало сделать именно так.

Я сидела на лавочке у собственного подъезда и не находила сил подняться в квартиру. Я не знала, что мне сказать маме, как смотреть в глаза отцу. Я вообще не знала, как мне дальше жить в этом мире, таком счастливом и свободном, если у меня никак не выходит согласиться с правильностью чтимых здесь традиций. Так, на лавочке, и нашел меня вечером отец.

Он сразу понял, что у меня снова что-то не так, снова что-то удручающе плохо. Но взял за плечи и без разговоров увел домой, убежденный, что без горячего ужина на теплой уютной кухне лучше по-любому никому не станет.

А после ужина усадил на диван и заставил рассказать обо всем. И я рассказала. И про вампира, и про выговор, и про письма. Он не стал меня ни в чем упрекать. Обнял, забирая к себе «под бочок», так, что я снова почувствовала себя маленькой девочкой. Немного помолчал, видимо, пытаюсь все правильно сформулировать. Потом сказал, что глупые письма на работу – это не то, о чем мне стоит переживать, да и вообще думать. Они с мамой уже достаточно взрослые люди, чтобы уметь самостоятельно разбираться с проблемами, встающими на их жизненном пути. А вот неприятности в университете мне действительно

ни к чему. И потому стоит принять во внимание существующую там точку зрения на суть проблемы. Потому что, даже если я абсолютно права, мне не под силу перевоспитать целый университет. Для этого мне надо сначала стать его ректором. Или хотя бы деканом факультета. А этого не произойдет, если у меня не выйдет означенный университет даже закончить.

– Ты у меня неглупая девочка, Ларка, и я уверен, ты меня понимаешь. Чтобы к твоему мнению прислушивались, надо сначала стать кем-то. Видным врачом, выдающимся ученым. Пока никому не удалось превзойти то, что сделали для людей вампиры. И потому все слушают их... И даже ты согласишься, что человечеству в целом это ни разу еще не вредило.

– Соглашусь. Но как быть с тем, что неким конкретным людям это вредит?

– А вот это очень сложный вопрос, Лара. И люди размышляли над этим не одну сотню лет.

– Да? А мне так кажется, что они не думали об этом ни секунды и по-прежнему не думают сейчас.

– Ты не права, об этом написаны книги. Не одно поколение мыслителей пытается понять: почему?

– Почему что, папа?

– Почему люди позволяют вампирам себя кусать. Разве не этот вопрос стоит в основе твоих переживаний?

– И почему же?

– Я попробую объяснить. Так, как сам это понял. А я в свое время прочел немало исследований на эту тему. В чем-то они разнятся, но все сходятся в одном. Корень проблемы уходит в эпоху зарождения видов. Когда-то очень давно на нашей планете зародилась жизнь. Зародилась в виде глобальной, устойчивой экосистемы. Потоки энергии Солнца и Земли последовательно проходят через всю эту систему, усваиваясь и перерабатываясь всеми компонентами биосферы – от простейших к самым сложным и совершенным. И на вершине этой биологической лестницы стоят вампиры. Изначально единственные разумные существа нашего мира. А наши далекие животные предки самой природой были созданы в качестве пищи для этих носителей разума. Понимаешь, при сотворении этого мира – не важно, богами или самой природой – биологически не закладывалось возможности иметь больше одного вида разумных существ. И наша кровь была прежде всего создана в качестве той питательной среды, что не только поддерживает жизнеспособность организма вампира, но и способствует деятельности его мозга. То есть поддерживает, укрепляет, развивает их разум. Потому что богами, природой, всем миропорядком галактики в любую экосистему закладывается стремление к высшему разуму как конечному смыслу существования этой системы. И все остальные элементы своей сверхзадачей имеют способствовать всяческому развитию этого разума. Это пока понятно?

– Вообще – да, а вот относительно поставленного вопроса – не очень.

– К ответу на вопрос я и веду. О появлении людей ты и сама все прекрасно знаешь. Поскольку эволюционное развитие нацелено на разум, то, в общем, неудивительно, что со временем разум обрели и вторые по уровню биологической организации существа – люди. И мы, конечно, благодарны вампирам, что они сумели заметить, верно оценить и направить течение этого процесса. Но дело не в нашей благодарности. Дело в том, что природа изначально не мыслила нас ни разумными, ни свободными. И наша кровь хранит память о своем предназначении где-то на молекулярном уровне, это атавизм, доставшийся нам от

наших далеких животных предков. То, что именуется «голосом крови», это лишь сохранившаяся в частичках нашей крови память о нашем доразумном существовании, когда природой не было заложено в пралюдей иной задачи, кроме как служить питательной средой чужому разуму. Это не стыдно и не обидно. Это просто часть нашей истории, нашей эволюции. А как ты знаешь, вся история человечества закодирована в наших генах. У кого-то этот атавистический голос крови настолько силен, что, как вышло у твоей Лизы, заглушает, а то и попросту разрушает разум, заставляя человека мечтать вернуться в первоначальное состояние – стать пищей. У кого-то, вот как у тебя, голос крови, напротив, ослаблен. У большинства он выражен средне. Но чем теснее человек общается с вампиром, тем сильнее разгорается в нем голос крови и тем активнее он стремится к самоуничтожению. Так что, как видишь, все это весьма сложный глубинный процесс, и, наверное, не стоит перекладывать всю ответственность на вампиров. У них свои сложности и свой голос крови. Они тоже на подсознательном уровне ощущают нас пищей. Но это именно они ввели весьма строгие правила и ограничения. Это и запрет на любые встречи с человеческими детьми, и строжайше оговоренные законом правила и нормы забора человеческой крови, когда в отсутствии вампира, стимулирующее действующее на усиление голоса крови, человек обдуманно и в письменной форме излагает, до какой степени он хочет поделиться своей кровью. Причем варианта «как получится» закон не предусматривает. Либо «остаться живым», либо «до самой смерти». И я знаю достаточно историй о людях, которые делились с вампирами своей кровью. Но я не знаю ни одной истории о том, как кто-либо из вампиров хоть единожды нарушил подписанный договор. Или укусил без подписания всех положенных по закону документов. Так что послушай этого Лоу и отпусти свою Лизу. Просто поверь, что ей хорошо там, куда ее унесло. Я не призываю тебя любить его, ведь это он лишил тебя подруги. Просто пойми для себя, что горе он принес тебе, а не ей. А ей – было хорошо. И потому неправильно рассуждать о мести ему за Лизу. Мстить в этой ситуации ты имеешь моральное право только за себя. А перед тобой – так ли уж велик его грех?

Нет, я не ворочалась всю ночь без сна, обдумывая его слова. Я просто упала головой на подушку и провалилась в беспробудный сон. Утром проснулась с тяжелой головой, ни вспоминать, ни думать ни о чем не хотелось. Вяло поковыряв вилкой завтрак, отправилась в универ. С деланным равнодушием слушала лекции и участвовала в семинарах. Но внутри ощущала себя сжатой от напряжения пружиной, нервно реагируя на каждый резкий звук. Ждала ли я вызова к ректору или насмешек однокурсников – я и сама не смогла бы объяснить. Наверное, после устроенной мне выволочки не верила, что все может вот так просто закончиться.

Но продолжения история не имела. Ни к ректору, ни даже к декану меня никто не вызывал. Однокурсники, может, и обсуждали за моей спиной, но до меня, кроме пары не особо уничижительных замечаний, ничего не долетало. Великого и Мудрого Лоурэфэла я тоже больше не видела. И даже обещанные письма на работу родителям за истекшие с того памятного дня две недели так и не пришли.

В самом конце октября неожиданно выпал снег. Обычно он выпадает на месяц позже, а тут вдруг засыпал улицы, повис тяжелыми белыми шапками на ветвях деревьев и фонарных столбах. Со снегом пришел мороз, и тут вдруг оказалось, что с прошлого года я здорово вытянулась, хотя мне думалось, что уже и не расту. Ан нет, расту, и спешно вынутое из шкафа зимнее пальто безнадежно мало. Пришлось идти в осеннем. На автобус я опоздала, пока дождалась следующего, промерзла насквозь, и даже в самом автобусе теплее мне не стало.

В универ ворвалась минут через десять после начала пары. Пока негнуцимся пальцами расстегнула пуговицы, сдала пальто, добежала до аудитории, прошло, наверное, еще пять. Тихонько открыла дверь и попыталась мышкой юркнуть на место. Преподававшую нам историю отечества Глорию Донову я не боялась, милейшая женщина, хоть и профессор. Просто зачем отвлекать.

– А, вот и вы, Лариса. – Она все же решила отвлечься.

– Простите за опоздание, профессор.

– Ничего, сегодня такая ужасная погода, все опаздывают. Просто вас искали из деканата, просили немедленно к ним подойти, как только явитесь.

– Спасибо, простите, – пискнула я, задом пятясь из аудитории и закрывая за собой дверь.

Думать, что плохого мне сейчас светит, было решительно некогда, надо было быстрее бежать в деканат, пока у них не закралась мысль, что я прихожу на лекции, пожалуй, слишком поздно. Так, вниз по левой лестнице будет, кажется, быстрее.

Угадала.

– Здравствуйте, – врываюсь, не тормозя, чтобы не раздумывать о причинах.

Светловолосая девушка, занятая составлением какого-то расписания, поднимает на меня глаза с выражением вежливого любопытства.

– Меня зовут Лариса Алентова, мне сказали...

– Да-да, я поняла, – радостно перебивает она. – Как хорошо, что вы пришли, я боялась, что вы заболели, вышло бы неловко. Вас куратор просил зайти. Прямо сейчас, а то после одиннадцати ему надо в больницу. Вы знаете, где его кабинет?

– Нет, – произношу оторопело, к такому я была не готова. Кураторы студентами не занимаются. Они координируют научную деятельность факультета, работу кафедр.

– Слушайте, я все объясню. Сейчас вы поднимаетесь на второй этаж. Но не по этой лестнице, а по центральной. Поворачиваете два раза налево и идете по длинному переходу. И упираетесь в такой квадратный внутренний двор. Вы спускаетесь на первый этаж, обходите дворик по периметру справа, там будет коридор. Идете по нему до конца, по лестнице на третий этаж и опять направо, там еще будет несколько ступенек, чуть пройдете и увидите по левой стороне дверь с табличкой «Куратор». Ну, бегите быстрее, а то он давно ждет. Вы запомнили, как идти?

– Кажется...

– Ой нет, давай я тебя лучше провожу, еще заблудишься. Ведь можно на ты? – Я кивнула. – А то он меня лично попросил тебя найти и пригласить. – Девушка встала, побросав свои карандаши и линейки, схватила меня за руку и резво потащила за собой.

Мы едва ли не бегом преодолевали все эти лестницы и коридоры, и я чувствовала, что дышалки у меня так надолго не хватит. Но просить ее идти помедленнее я не решилась. Сама опоздала, да еще от работы ее отрываю, в ее служебные обязанности показывать мне дорогу явно не входит. Хотя понять ее стремление лично доставить посылку адресату я могла. Потому как от начала времен должности кураторов по науке в университете, да и не только в нем, занимали вампиры. Голос крови, как утверждает мой папа.

– А он не сказал, что ему от меня нужно? – не смогла я сдержать любопытства.

– Нет, – любопытно было не только мне, – а вы с ним раньше встречались?

– Даже мельком не видела. Я в начале сентября болела, все торжества пропустила.

– Вот и познакомьтесь. Да ты не переживай. Он хороший человек, – она хмыкнула, –

хоть и вампир.

– ?

– Ну, в смысле, с ним просто. Он всегда очень по-доброму общается, вежливо. Хотя ему и лет, наверно, за тысячу, и умнее он тут каждого и всех вместе. Казалось бы, должен, наоборот, свысока, с прохладцей...

– А свысока и с прохладцей в «этих священных стенах» все больше люди себе позволяют, – не могла не поддержать я тему, знакомую не понаслышке.

Она понимающе хмыкнула. И тут последние ступеньки последнего коридора мы преодолели.

– Заходи, – она распахнула передо мной массивную дверь, – да не робей, там вначале секретарь.

Сама она заходить не стала, пропустила меня и закрыла дверь. Я действительно оказалась в небольшой приемной, светлой, с аккуратными рядами папок в стеллажах и с растениями, развешенными в кашпо по стенам. Сидящая за столом девушка делала выписки из лежащей перед ней книги. «Интересно, а он пьет ее кровь?» – не смогла сдержать глупую мысль. Бледной и осунувшейся, впрочем, секретарша не выглядела. Миловидная, облако русых волос по плечам – обычная девушка. Косы, правда, она не носила, волосы были чуть ниже плеч, не более. Ну да может, прежде страдала вампироманией, а теперь отрацивает. Или болела, в жизни всякое случается.

– Вы, наверное, Лариса, – обратилась она ко мне и, заглянув в бумажку, уточнила: – Лариса Алентова.

– Да.

– Вы проходите, куратор ждет вас. – Она указала на дверь в боковой стене.

Медлить было глупо. Я, неловко постучав, вошла.

Куратор стоял ко мне спиной возле книжного шкафа. Элегантный темно-серый костюм, распущенные черные волосы до середины спины. Только увидев их, поняла, что ожидала увидеть серебристые. Хотя логично, конечно: мы разные, они разные.

Одной рукой он прижимал к себе несколько книг, другой передвигал книги на полке. Наконец, видимо, нашел, что искал, с усилием вытянул из дальнего ряда какую-то книжку, поставил обратно те, что держал в руке, закрыл шкаф и оглянулся. Заметил меня. Какую-то секунду пристально вглядывался в лицо, затем тепло улыбнулся и произнес:

– Доброе утро, Лариса. Простите, что заставил вас ждать. Пожалуйста, проходите, присаживайтесь. – Он сделал широкий приглашающий жест.

Я послушно пошла к его рабочему столу, намереваясь присесть на один из стоящих возле него стульев.

– Нет, что вы, не сюда. – Подойдя, он чуть развернул меня в сторону стоящих у стены кресел по сторонам от небольшого круглого столика. – Устраивайтесь, я сейчас.

Он вышел в приемную.

– Держи. Я же говорил, что где-то она у меня была, – донесся до меня его голос.

– Спасибо, – в голосе девушки звучала искренняя благодарность. – А то в нашей библиотеке ее нет, а в городскую мне до выходных не попасть.

– Не за что. У нас есть горячий чай?

– Да, конечно, я только что кипятила, я сейчас, – послышался звук отодвигаемого стула.

Куратор вернулся в кабинет. Подошел, сел в кресло напротив.

– Ну, давайте знакомиться, Лариса. Меня зовут Анхенаридит Кортоэзиасэри ир го тэ

Ставэ. Последние шестьдесят восемь лет я занимаю должность куратора медицинского факультета университета.

Хорошо быть вампиром. У меня вот дедушка в шестьдесят восемь лет от старости умер. А этот только на последнем месте работы столько отрубил. И еще столько же отрубит, ежели не надоест.

– Сейчас Инга принесет чай, и, я надеюсь, вам все же удастся согреться. Как вы сумели так замерзнуть – не посмотрели в окно перед выходом?

– Оказалась не готова к увиденному, – пробормотала, опуская голову. Ну не рассказывать же ему о проблемах отсутствия присутствия у меня зимнего пальто нужного размера. Не за этим же он меня с лекции выдернул. И как он вообще узнал, что я насквозь замерзла? Вроде не дрожу.

Вошла Инга с подносом. Переставила с него на столик фарфоровый чайник, сахарницу, вазочку, полную конфет, и только одну чашку.

– Позвольте мне поухаживать. – Он галантно наполнил чашку чаем и подвинул ко мне. – Сахар кладите сами, могу не угадать.

Инга вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Я насыпала себе сахар изящной маленькой ложечкой и понимала, что пальцы все еще плохо меня слушаются. Он просто сидел, смотрел, всем своим видом выражая, что абсолютно никуда не торопит и никуда не торопится. Интересно, зачем он меня все-таки позвал?

– А вы не составите мне компанию? – поинтересовалась, делая первый глоток. Он что, вот так и будет пялиться, как я пью?

– Если вы угостите – с удовольствием.

Непонимающе подняла на него взор и, только уловив лукавый блеск его глаз, поняла, что угоститься он собрался не чаем. Поперхнулась. Он рассмеялся.

– Пейте, Лариса, пейте. Я просто шучу. А чай я и в самом деле не пью, уж извините.

Улыбка у него была очень приятной. Открытой такой, располагающей, искренней. Глаза его были цвета спелых каштанов в лучах осеннего солнца, а нечеловеческие узкие щели зрачков казались провалами Бездны, разделяющей землю на мир людей и мир вампиров.

Я пила чай, обхватив чашку обеими ладонями, чувствуя, что понемногу отогреваюсь. И не только телом. Под ласковым взглядом куратора все тревоги отступали. Казалось немыслимым, что меня сюда позвали, чтобы ругать, проклинать и выкидывать из университета. Умом я понимала, что все дело в том, что он вампир, а с вампирами всегда так, просто хочется быть рядом, и как можно ближе. Мы чувствовали их всей кровью, всей кожей, что ли. И узнавали не по приметам. Они были не выше и не ниже, не тоньше и не толще обычного человека. У них не было ни острых ушей, ни длинных когтей, ни выпирающих изо рта зубов. Ну, глаза. Но часто ли мы смотрим в глаза соседей? Да собери десяток вампироманов-первокурсников, добавь к ним любого вампира да напиши групповой портрет. И никто не угадает, кто на том портрете вампир. А вот завяжи любому человеку глаза, да заведи в темную комнату, полную народа, да спроси: есть ли среди присутствующих вампиры? И ни один не ошибется, и не только ответит, есть ли и сколько, но еще и пальцем покажет, в каком конкретно месте стоят. Их аура была настолько сильна, что казалась ощутимой, мы вязли в их обаянии, как мухи в янтаре. И потому неудивительно, что чем дольше я пила чай в его обществе, тем больше проникалась к нему симпатией, тем более красивым, неотразимым даже он мне казался.

Но пауза затягивалась. И я не выдержала:

– Простите, светлейший Ананхе... ре... – я безнадежно запуталась в его имени и вынуждена была отступить, – простите.

– Анхенаридит. Можно просто Анхен, чтоб вам было проще.

– Анхен? – что-то очень знакомое. Где я могла слышать столь экзотическое имя? Ну конечно! Все благолепие с души как сквозняком выдуло. – А это не ваш дружок Серебряные Кудри по университету пару недель назад шлялся?

– Мой. Его зовут Лоурэфэл, – все та же фирменная вампирская невозмутимость. Вот разве что глаза стали чуть глубже.

– Папа с мамой его пусть зовут Лоурэфэлом! – Меня уже несло, но остановиться я была не в силах. Значит, вот почему я здесь. По просьбе Великого и Мудрейшего, который никак не хочет оставить меня в покое. А я-то поверила, что все кончилось! – Так это ему я обязана нашей встречей?!

– В этом вы правы, Лариса. Постарайтесь успокоиться. Кажется, я не сделал ничего, что могло бы оскорбить вас или обидеть.

Я насупилась, вынужденно признавая его правоту. Дождавшись видимости спокойствия, он продолжил:

– Я действительно впервые услышал про вас от Лоу. Девушка, мечтающая убить вампира, – это весьма экзотично. Признаюсь, я не обратил на эту историю должного внимания. Но на днях я вновь услышал ее от профессора Ольховникова. И вот здесь мне стало уже не смешно. Объяснить почему?

– Не утруждайтесь. Светлейший профессор объяснил мне все достаточно популярно. Просто скажите, могу ли я вернуться на лекцию, или вашей милостью меня уже исключили из университета? И спасибо за чай. – Я демонстративно отставила недопитую чашку.

– Я не занимаюсь дисциплинарными вопросами, никого не принимаю и никого не исключаю – это не в моей компетенции. Что до профессора Ольховникова, то он искренне считает, что свой долг перед Прародиной выполнил, хорошенько припугнув вас по горячим следам. Так что, если не станете более делать глупостей, спокойно получите выбранную профессию.

– Если это все, что вы хотели мне сказать, светлейший, могу я вернуться на лекцию?

– Нет, Лариса, не все. И если вам так важна эта лекция, я вам лично перескажу ее чуть позже. Уверяю вас, я прекрасно разбираюсь в материале.

– Боюсь, мне не достанет средств расплатиться со столь великим и уважаемым репетитором.

– Я рад, что вы успокоились настолько, что можете шутить. Пейте чай. Я не собираюсь вас воспитывать или наказывать. Я просто хочу немного с вами поговорить. Вас же не затруднит ответить искренне на несколько моих вопросов?

– «Эти святые стены» сильно не предрасположены к искренности.

– Хорошо, что вы сумели это понять. Но мои стены не святые, самые обычные. А «этим» я ничего не расскажу. Я вам обещаю. Так мы договорились?

– Да. Если потом вы ответите на мои.

– Я отвечу на любые ваши вопросы, Лариса. Тем более что мне интересно будет услышать сами вопросы. Итак, только честно: мое общество вам неприятно?

– Временами.

– Объясните.

Задумалась, пытаясь сформулировать. Он же хочет честно.

– Мне приятно, когда вы молчите. Тогда я вас ощущаю... вампиром. Не знаю, как сказать лучше. Но от вас словно исходят волны... вы сами знаете... тепла, умиротворения. Но вот когда вы начинаете говорить, вернее нет, когда вы смотрите таким глубоким, мерцающим взглядом – это неприятно, и это особое ощущение от вас, как от вампира, исчезает.

– С Лоурэлом было так же? Во время первой встречи, когда вас еще не связывали личные отношения.

– Нас с ним не связывают ЛИЧНЫЕ отношения!

– Я некорректно выразился, межличностные.

– Да, с ним было так же. Вам от этого легче?

– Я боюсь, что вам от этого не легче. А мне – пока – просто любопытно. Вопрос следующий: на Горе вы отказались сдать кровь – это было обдуманно или импульсивно?

– Импульсивно. Я разозлилась на тетку. Но сегодня я бы отказалась обдуманно.

– Когда-нибудь, быть может в детстве, вы мечтали о любви с вампиром?

– Мне хватало того, что об этом мечтала Лизка. Мне казалось все это смешным и нелепым.

– Ваша подруга не показалась мне ни смешной, ни нелепой.

Ах да, он же был там, как я могла забыть! Он затрахал ее до смерти, высасывая кровь!

– А какой она показалась тебе, тварь, вкусной?! – Я вскочила, судорожно схватив чашку и шваркнув ее об край стола. Она брызнула во все стороны осколками и чаем. А я уже летела к нему с перекошенным от ненависти лицом, протягивая вперед руки – не то вцепиться в горло, не то выцарапать эти омерзительные мерцающие глаза.

Он, казалось, даже не шевельнулся. Но уже через секунду я сидела боком на его коленях. Одной рукой он крепко прижимал меня к себе за предплечье, другой удерживал мои сведенные вместе руки за запястья. Сжимая их сильно, до боли.

– Пусти! – Слезы бессильной ярости текли по моим щекам. – Пусти. Мне больно.

– Больно, – спокойно согласился он. – И будет больно еще некоторое время. Пока вы, Лариса, не осознаете, что сдерживать свои эмоции крайне необходимо в любой ситуации. Или мы уже на ты? Я, в общем, не возражаю. Знакомство у нас весьма неформальным вышло.

– Отпустите меня. Вы ломаете мне руки, – чувствовать себя настолько беспомощной было страшно. Он вампир, он сильнее несоизмеримо, да и авторитета у него столько, что убьет меня сейчас или просто покалечит – и в глазах всего мира будет абсолютно прав. Зачем же я, дескать, на него так, с кулаками набросилась, нехорошим словом обозвала. Что, убил близкого мне человека? Да что такое ее смерть по сравнению с непочтительностью.

– Обещай, что больше не станешь делать резких движений.

– Я обещаю...

– И больше никаких попыток оскорбить меня или физически уничтожить.

– А это возможно? – не смогла сдержать любопытства.

– Нет, это невозможно. Поэтому я и говорю: попыток. Итак?

– Я больше не буду, – что еще оставалось, больно было так, что едва сдерживалась, чтоб не вскрикнуть.

– Ты мне обещаешь?

– Да, да, я обещаю, пожалуйста. – Я почти уже плакала.

Руки он отпустил. Морщась, потеряла запястья. Вроде не сломал, но синяки еще неделю сходить будут. И хорошо, если только одну. Попыталась встать и поняла, что второй рукой он

меня по-прежнему крепко держит.

– Я же сказала, – затравленно повернула голову, чтобы взглянуть в его лицо.

– Молодец, – улыбнулся он, – хорошо, когда разум торжествует. А теперь поцелуй меня.

Мне будет приятно.

Его безумные (иначе и не скажешь) глаза мерцали близко-близко. Одна его рука обхватила меня за талию, заставляя развернуться к нему всем корпусом, другая впилась в основания волос, не позволяя отстраниться. Его губы медленно приблизились. Я дернулась подстреленной птицей, в ужасе от происходящего. Поцелуй с ним был для меня в тот миг равносильен смерти. Потому что и был дорогой к смерти.

Его губы замерли в миллиметре от моих. Скользнули вдоль щеки к уху.

– Ты настолько боишься целоваться? – прошептал едва слышно. Едва касаясь, обвел языком мочку уха, скользнул вниз вдоль шеи, легко поцеловал в основание плеча. Я дрожала.

– Так поцеловать? – вновь шепнул он мне прямо в ухо. – Или укусить?

– Пожалуйста, пожалуйста, – умоляла я, уже не веря, что он услышит.

– Пожалуйста что? – выдохнул он мне в губы.

– Пожалуйста, отпустите.

Он отпустил. Причем так резко, что я едва не упала, ведь все это время я пыталась от него отстраниться. Соскочила с его колен и опрометью бросилась к выходу. На бегу едва не запнулась о собственную сумку. Подхватила ее, рванула к двери и даже успела ее немного приоткрыть. А потом его сильная ладонь заставила дверь закрыться. Более того, он достал из кармана ключ и несколько раз провернул его в замке.

– Не так быстро, Лариса.

Я обреченно обернулась, подпирая спиной дверь и прижимая к груди сумку.

– Давай присядем, и я тебе кое-что объясню.

Я помотала головой. Спасибо, насиделась. Милейшие люди вампиры. Одна беда, что нелюди.

– Обещаю, больше никаких смелых экспериментов.

– Так это был «смелый эксперимент»?!

– Прости, что так напугал. Но я должен был убедиться наверняка.

– Убедиться в чем?

– Присядь, пожалуйста.

Присела. Вот прямо где стояла, там и присела, съехав спиной вниз по запертой двери. Он пожал плечами и тоже уселся на пол, в двух шагах от меня, сложив сцепленные в замок руки на торчащей кверху коленке.

– Костюмчик не попортите? – не удержалась я.

– На покупку внеочередного костюма я зарабатываю. Послушай меня сейчас внимательно, ладно? Я позвал тебя не ради праздного любопытства и не оттого, что мне не с кем целоваться. Ты серьезно больна, Лариса.

Если я думала, что он меня уже ничем не удивит, то глубоко заблуждалась.

– Уверяю вас, куратор, я чувствую себя прекрасно, если только не простудилась сегодня на морозе.

Особенно когда вы не ломаете мне руки и не лезете целоваться.

– Ты замерзла, но насколько я могу чувствовать, пока не простудилась. Проблема в другом.

– Да? И чем же, по-вашему, я больна?

– Это редкое генетическое заболевание, совершенно не изученное в человеческой медицине, поскольку предыдущий подобный случай был зафиксирован более двухсот лет назад. Да и тогда он был единичен. Вампиры, впрочем, проблемой занимались. Даже дали этой болезни достаточно сложное наименование, которое я сейчас даже произносить не стану. Потому что ни к чему, да и не помню, если честно. А вот путей решения этой проблемы, увы, найдено не было. Догадаешься, о чем идет речь?

– Я не вампир, на что мне ваши заморочки.

– Они не наши, Лариса, они всерьез угрожают твоему благополучию. Выражаясь простым языком, это называется невосприимчивость. Патологическая невосприимчивость голоса крови. Тебе знаком этот термин?

– Голос крови? Да, папа мне объяснял. Он сказал, что у меня он ослаблен.

– У тебя он отсутствует. Вообще. Более того, любая моя попытка воздействовать на тебя путем активизации нашей кровной связи вызывает сильнейшую реакцию отторжения.

Воздействовать путем активизации – вот это как, интересно? То есть они на нас воздействуют, заставляя себя желать? Желать вновь стать их пищей? В самом деле зомбируют, я тогда сгоряча ляпнула, а это и вправду так? Я в ужасе сглотнула. То-то глаза у них временами мерцают так неприятно... И тот, на Горе, тоже все хотел, чтобы я взглянула ему в глаза... То есть это вот такая у нас свобода?... Но он сказал, что на меня он воздействовать не может.

– И поэтому я никогда не смогу захотеть, чтобы вы сожрали меня, как мою подругу? Только вампир мог додуматься назвать это болезнью. Для людей это благо, хотя вряд ли вы сможете это понять!

– Я могу понять очень многие вещи. Например, то, что это действительно может быть благом. Для группы людей. Для сообщества людей. Для всех людей в мире. Ты не услышала главного: ты такая одна. Единственная за двести лет. И люди тебе этого не простят.

– Люди? – посмотрела на него скептически. Да что он мне голову морочит? – Скажите уж честно – вампиры.

– Люди, Лариса, люди. Я с тобой сейчас предельно честен. Вампирам ты не помеха. Скорее забавная аномалия, уж прости за прямоту. А вот люди могут тебя возненавидеть, если ты дашь им повод. Свободные и разумные люди – это, в основе своей, дикая стая, которая не выносит тех, кто думает и чувствует иначе. Я прекрасно осознаю, что ты не сможешь нас полюбить. И чувствовать в нашем присутствии то, что чувствует все остальное человечество. И поверь, и я, и все мои соплеменники без твоей любви прекрасно обойдемся. А вот люди очень жестоко тебе отомстят, если ты станешь открыто выражать непочтение к их кумирам. Любой нормальный человек чувствует практически религиозный трепет даже при слове «вампир». Поэтому я очень тебя прошу ради себя самой, будь аккуратней в выражении собственных эмоций.

Понятно. Начали за здоровье, а кончили моралью. Не смей обижать святых вампиров. Да не пошел бы он...

– Если это все, разрешите мне уйти.

– Мне казалось, ты хотела меня о чем-то спросить.

– Уже нет, ваши «смелые эксперименты» ответили не только на ваши вопросы, но и на мои.

– Как знаешь. Надумаешь – обращайся. Для тебя у меня всегда найдется время.

Он поднялся, давая понять, что разговор закончен. И протянул мне руку, помогая встать.

Руку я приняла. Безумным голодным вампиром он мне больше не казался. Вот только...

– Не понимаю, в чем ваш интерес? Моя, как вы выразились, болезнь, вампирам ничем не угрожает, соседней по парте я не заражу. Что вам до меня?

– Ну, во-первых, ты единственная девушка за всю мою жизнь, которая отказалась от моего поцелуя, – улыбнулся он. – А если серьезно – я все-таки врач, ученый, мне интересна эта проблема с точки зрения науки. И ты все же учишься на моем факультете. Я чувствую за тебя ответственность, хотя формально студенты не в моей юрисдикции... Я помню, что случилось с парнем, что имел то же генетическое отклонение двести лет назад. И не хочу, чтобы ты повторила его судьбу.

Он достал из кармана ключ и отпер дверь.

– Если возникнут проблемы – приходи, я всегда постараюсь тебе помочь. И еще раз прости, что напугал.

До конца дня я была крайне тиха и задумчива. На коллоквиуме по биологии умудрилась отличиться редкостной тупостью и несообразительностью, оставив у преподавателя устойчивое ощущение, что я не только не готовилась ни секунды, но и в принципе едва ли обучаемая. Это было бы, наверное, даже обидно, ведь в биологии я всегда разбиралась неплохо, не будь я мыслями все еще в том кабинете. Куратор произвел на меня весьма неоднозначное впечатление. Вежливый, рассудительный, внимательный, и при этом – неумолимо жестокий, не задумываясь причиняющий боль, что моральную, что физическую, будь то для чистоты эксперимента или в воспитательных целях. О его причастности к смерти Лизы вообще старалась не думать. Он вампир. А вампиры – они другие. Как сказала Лизка, высшая форма любви для них – смерть. Мне не понять. Если верить светлейшему куратору – не понять никогда. Или не полюбить? Или выкинуть все это из головы и попытаться сосредоточиться на биологии?

Домой пришла поздно вечером, до закрытия просидев в анатомичке. Руки честно перебирали кости черепа, но названия их в голове не всплывали. Ну вот и откуда в черепе столько костей? Я всю жизнь искренне думала, что весь череп – это одна сплошная кость, ну ладно, две – еще нижняя челюсть. А тут сижу и перебираю, как пасьянс, эти маловразумительные пластинки, силясь вспомнить их столь же маловразумительные названия. Злюсь на себя, нервно листая атлас, в тщетной попытке найти соответствия, но вместо всех черепов на свете перед глазами все равно стоит его лицо – слишком близко от моего, его губы, скользящие по щеке, все слышится его шепот: «Поцеловать или укусить?» И что, вот что, он думает, я должна была выбрать? Что отвечали ему «обычные» девушки, которых он сажал себе на колени? Которые «никогда не отказывали»? Неужели умоляли его укусить? Или просили поцеловать, а он все равно кусал, и они умирали, лишённые крови, а он вытирал платочком губы и возвращался к работе? Я понимала, что боюсь его. Даже если он не может заставить меня захотеть, что помешает ему просто взять? Его врожденная вежливость и хорошее воспитание? Чернеющие на запястьях гематомы оптимизму никак не способствовали.

Придя домой, первым делом натянула старый разношенный свитер с рукавами, закрывающими половину ладони. Спасало это ровно до ужина, потому что потом мама потребовала рукава засучить, потому как «в таком виде за стол не садятся». Я попробовала упереться, она не сдавалась, сердилась «не в силах понять мое ослиное упрямство», а в конце просто дернула меня за рукав. И застыла, глядя на отпечаток кураторского пальца.

– Лара, это что?

Я молчала. Она потянулась за второй рукой. Та выглядела чуть лучше, но следы насилия явно виднелись и на ней.

– Лара, не молчи, пожалуйста, откуда это? Тебя кто-то обидел? Серьезно обидел? Может, нужно вызвать врача, а потом Силы Правопорядка?

– Мама, ну успокойся, ну какие Силы Правопорядка, что ты выдумала! Ничего не случилось, никто меня не обидел. И уж тем более так, как ты подумала.

– А как я могла подумать? Такие синячищи! Тебя держали за руки, ты вырывалась. Скажешь нет?

– Не скажу. Держали. Вырывалась. И это все. Кости не сломаны, гематомы сойдут.

– Все? Лара, ты ничего не хочешь мне рассказать?

– Нет. Не хочу. Я уже даже ужина хочу все меньше. И если ты немедленно от меня не отстанешь, так и вовсе его расхочу.

– Лариса, а тебе не кажется, что ты не настолько взрослая, как ты себе возомнила? И просто не в состоянии пока решать все возникающие проблемы самостоятельно!

– Я смотрю, количество желающих решать мои проблемы растет в геометрической прогрессии. Спасибо за ужин.

Я выскочила из-за стола и ушла к себе, громко хлопнув дверью. Моя жизнь. Мои руки. И воспоминания – тоже – только мои!

Глава 3

Анхен

А снег растаял. Полежал еще пару дней – и совсем исчез. Выглянуло солнце, стало тепло, словно вернулся сентябрь. Птицы, одурев от радости, вопили под окном с самого утра. Воскресенье радовало возможностью полной свободы. А на что нужна студенту полная свобода? Правильно, чтоб провести день в библиотеке. И узнать хотя бы, какого цвета некоторые книги из безразмерного списка рекомендованной к прочтению литературы. А избранные могут даже попытаться прочесть и законспектировать. Вот любопытно, а преподаватели вообще догадываются, что, даже забудь мы про сон, еду и посещение универа и посвяти чтению каждую секунду своей жизни, за семестр нам все равно не успеть? Даже овладев техникой скорочтения, скорозаписывания и навекизапоминания.

Осознавая, насколько все прискорбно, из дома вышла пораньше. И затормозила перед огромной лужей, заполонившей весь тротуар, от края до края. С газона в лужу стекала жирная грязь, делая водное препятствие еще более аппетитным. Лужа, понятно, возникла здесь не впервые. И путь через нее жителям подъезда был известен. Надо было с разбегу заскочить на стоящую вдоль тротуара скамейку и, пройдя по ней, спрыгнуть с той стороны. Вот только сейчас на скамейке сидел парень.

Понятно, не на сиденье. Оно было в смерть затоптано грязными ножищами. Но вот на спинке он устроился весьма комфортно, а его широко расставленные ноги в вытертых джинсах и разношенных кроссовках безнадежно мешали мне пройти. Парень был незнакомый, в бесформенной, линялого цвета куртке и обтягивающей вязаной шапочке. Подобные шапки я не любила и была вполне согласна с их бытующими в народе весьма неблагозвучными прозвищами. Но пройти он мне по-любому мешал.

– Прости, ты не мог бы, – начала было я, и тут он обернулся. И я подавилась словами. Потому как не было на скамейке никакого парня. Передо мной восседал светлейший Анхе... реде... тьфу ты, Анхен ир го тэ Ставэ, Высочайший Куратор всего медицинского факультета. И превесело смеялся, довольный произведенным эффектом.

– Доброе утро, Лариса. – Он поднялся на ноги и легко преодолел разделяющую нас пару метров. Даже не спрыгнул – слетел.

– Здравсте... – Я затравленно попятилась.

– Так не рада меня видеть? – Черные брови взлетели домиком, слишком наигранно, чтобы всерьез.

– Синяки от нашей первой встречи еще не сошли, чтоб я жаждала заполучить новые!

– Ну-у, – не, не чувствовал он себя виноватым, – ты просто держи себя в руках, и мне не придется делать этого за тебя.

– Очень рада, что вам так весело. Я собиралась в библиотеку. Вы не позволите мне пройти?

– В библиотеку? – Он глянул весьма скептически. – Ларис, скажи мне честно, ты в окно хоть изредка смотришь?

– Изредка. К сожалению. Взглянула б сейчас – осталась бы дома.

– Не дерзи. Во-первых, ты меня и с двух шагов не признала, не то что из окна. А во-вторых, ты правда веришь, что тебя бы это спасло? Просто по возможности хотелось бы

отложить знакомство с родителями.

– З-зачем с родителями?

– Взглянуть, у кого ж такое чудо выросло. Ты посмотри вокруг: тепло, солнышко, птички поют. А ты собралась весь день в стылom подвале провести. Нет, библиотека отменяется, мы с тобой гулять идем.

– Куда? – Я сделала еще пару маленьких шажков назад.

– В парк. Городской. Общественный. – Его, похоже, мои маневры забавляли.

– Я имею право отказаться? – постаралась взять себя в руки. Да что ж я его так боюсь?

Ну, вампир. Не съест же он меня теперь. Если б вампиры убивали каждого встречного, людей на земле бы уже не осталось, разве нет?

– Право имеешь. Возможности крайне ограничены.

– Пожалуйста, ну что вам от меня надо? Я не хочу вас видеть, не хочу вас знать, хочу вообще забыть, что в этом мире существуют вампиры. Вы мне сами сказали, что прекрасно проживете без моей любви всем вашим дружным вампирским коллективом.

– Этот мир создан вампирами, Лариса, и забывать об этом крайне опасно. А я просто хочу с тобой поговорить. Неужели так трудно пройти со мной под ручку по центральной аллее парка? Крайне людной в это время суток.

– Мы уже говорили. – Я по-прежнему потихоньку пятилась, он, столь же мелкими шажками, наступал.

– Я говорил. А ты попросту сбежала. Предварительно попытавшись устроить драку. А еще утверждала, что у тебя есть вопросы. А потом передумала их задавать. Это неправильно, Лара, нельзя убегать от проблемы, надо ее решать.

Вот я уже и Лара. А как все вежливо начиналось: «Проходите, садитесь...» А дальше что – он объявит меня своей собственностью и уволочет в заоблачную даль?

– У меня нет проблемы, куратор. Я не знаю, что за проблемы у вас, что вы преследуете меня, и, поверьте, не хочу о них знать.

Я решительно развернулась, чтобы уйти обратно в дом. Но тут подъездная дверь резко распахнулась, и на пороге возникла моя мама, в расстегнутой куртке, спешно наброшенной поверх домашнего платья.

– Что здесь происходит?! – грозно ринулась она в бой. – Вы почему не даете прохода моей дочери?! Лариса, это он? Это он тебе все руки изуродовал? Я сейчас же вызываю Силы Правопорядка!

Юркнув за мамину спину, я взглянула на него из-за ее плеча. И надежда на спасение разбилась о насмешливый взгляд его нечеловеческих глаз.

– А вы Ларисина мама, да? – произнес он совершенно дурацким голосом, дождавшись паузы в ее монологе. – А меня Антон зовут. Мы с Ларисой в универе познакомились, ну, мы же оба с медицинского... И Лариса обещала со мной сегодня в парк пойти, а теперь отказывается. Я специально через весь город к ней ехал, вот жду ее с утра, а она... Хотя вы ей скажите, что так нельзя, она обещала...

Он что, правда думает, что его можно принять за наивного студента? Да его вампирские очи сияют так, что среди ночи день бы сделали! И он что, полагает, что она этого в упор не разглядит?

– Так вы ее мальчик? – изумилась мама уже совсем другим голосом. – Ларочка же нам совсем ничего не рассказывает. А я в окошко увидела, испугалась, думала – незнакомый кто, да плохое чего замыслил. А в парк идите, конечно, погода-то какая. Лариса, иди-иди, не

спорь, не обижай мальчика. Никуда не денется твоя библиотека. И так все время одна да одна. Как Лизочка-то от нас уехала...

– Мама, перестань!

– Пойдем, Лариса, не расстраивай маму. Вот сумку ей отдай, и пойдем, зачем тебе с собой тетрадки таскать.

– Да-да, Ларочка, давай твою сумку, я в дом-то отнесу, и правда, не нужна она тебе. – Мама вцепилась с сумку, как клещ, и не успокоилась, пока ее не заполучила.

Да что ж он делает с ней, этот «милый мальчик Антон»?!

– Хорошо! Ладно! Я иду! Все довольны?

– Конечно, Ларочка, – проговорил он елеиным голоском, даже не маскируя насмешки, – вот давно бы так.

Приобнял и повел прочь от родного дома под полным одобрения маминым взглядом. Доведа до лужи, резко обхватил меня ладонями за талию и взлетел. Невысоко, наши подошвы едва не задевали воду, мы словно скользили по ней. Издалека и не понять, что мы летим, но мама-то стояла здесь, рядом, и все прекрасно видела, и должна была понимать, что мальчику Антону такое не по силам. Но, судя по ее спокойной улыбке, не понимала.

– И что теперь, прикажете величать вас Антоном? – не выдержала я, когда мы отошли на достаточное расстояние.

– Зачем? – искренне удивился он. – Анхен звучит куда благозвучней. А вот обращаться лучше на ты, у нас все-таки очень неофициальная встреча.

– Тогда, может, и руку свою уберете. – Я попыталась сбросить ее, нагло устроившуюся у меня на талии, едва мы перелетели лужу.

– Может, – легко согласился он. И ничего не изменилось.

Я рванулась. Он не стал удерживать. Просто молча смотрел, как я пытаюсь сохранить равновесие.

– Зачем. Вы. Надо мной. Издеваетесь, – то, что начиналось как вопрос, закончилось как утверждение. Но я была уже достаточно зла на него и полна решимости не сходить с места, пока он мне не объяснит.

– Я? – опять искреннее удивление. – Но я не издеваюсь. Я просто пригласил тебя на прогулку. И изо всех сил пытаюсь быть вежливым, несмотря на твое невообразимое поведение. Вот почему тебе все время надо мне противоречить? Почему нельзя просто сделать так, как я прошу? Ты ни одну мою фразу не нашла для себя достаточно приемлемой, чтобы просто сказать «да». Это что, так невысказанно трудно?

– А вашей мудрости не пришло в голову, что я просто не хочу никуда с вами идти? И не обязана говорить «да»? Что мне само ваше общество НЕ приятно?

Какое-то время он просто смотрел на меня, и я поняла, что да, не приходило. Он даже не задумывался, что я могу не захотеть: его видеть, слышать, разговаривать с ним, куда-то идти. Он вампир, и потому всегда и всем желанен. В любом качестве, да хоть в каком качестве, лишь бы заметил.

– Что, когда в уютном кабинете вы рассуждали о моей неизлечимой генетической болезни, вы как-то не примерили ее результаты на себя? Не подумали, что вот конкретно вы не вызываете у меня ни любви, ни приязни, ни желаний исполнять ваши прихоти? И как вы собираетесь мне помочь? Заставляя силой или шантажом беспрекословно себе подчиняться? И что, бездна вас забери, вы сделали с мамой? Вот просто влезли ей в голову и заставили увидеть мир таким, как вы рассказали? Это же отвратительно, омерзительно, грязно! Подло,

наконец.

– А как еще, по-твоему, я должен был заставить ее сделать то, что мне нужно? И запомнить то, что я хочу? Вот в твою голову я влезть не могу, и что хорошего? Мы стоим и препираемся, даже не дойдя до автобусной остановки, а могли бы уже гулять по парку, наслаждаясь прекрасным солнечным днем.

– Но почему мы должны гулять по парку, если этого хочет только один из нас? Почему вы считаете своим правом заставлять маму что-то думать или делать? Это должно быть только ее решение, даже если оно неуютно вам!

– Видимо, потому, что, как любой вампир из благородной семьи, я воспитан в твердом убеждении, что в мире не должно существовать решений, не угодных лично мне.

– А бывают вампиры из неблагородной семьи? – не удержалась я. И по дрогнувшим уголкам его губ поняла, что попалась, что он сказал это специально, чтоб поймать на проявлении любопытства.

– Вампиры бывают всякие. Давай заключим перемирие, Лариса. Ты перестаешь злобно шипеть на каждое мое слово, а я расскажу тебе о вампирах все, о чем тебе придет в голову меня спросить. Даже то, о чем в книжках не пишут. – Он подмигнул мне, но тут же вновь стал серьезным. – Соглашайся, Лариса, вот просто так, ни за чем. Позволь себе хоть один день быть свободной. От себя самой, своих убеждений, представлений, памяти. Позволь себе просто быть.

– Все это красиво звучит, куратор. Но вы сами-то на такое способны?

– Ты мне, наверное, опять не поверишь или попросту не услышишь. Но правда в том, что ты – мой единственный шанс это узнать.

Я посмотрела на него, на синее-синее небо, на по-весеннему яркое солнышко. И согласилась.

– В парк? – спросила я его, как могла бы спросить Петьку, когда он предлагал мне сбежать с уроков.

– В парк, – с видимым облегчением согласился он, и улыбнулся, и протянул мне руку.

Так, держась за руки, мы вышли наконец к автобусной остановке и влезли в автобус, почти пустой по случаю воскресенья. И устроились на задней площадке, смотреть, как убегает из-под колес дорога. Он встал за моей спиной, ухватившись за поручень справа и слева от меня, оказавшись слишком близко, так, что на ухабах и поворотах нас прижимало друг к другу, но я не возражала, позволила себе не возражать.

«Пусть, – думала я, – пусть. И можно представить, что я еду гулять в парк с хорошим мальчиком Антоном. Даже если на самом деле он Анхен и вряд ли помнит те дни, когда он на самом деле был юным мальчиком, а не только хотел им казаться». Что делать, в восемнадцать лет каждой деве хочется, чтобы у нее был мальчик. Даже не всерьез, понарошку, на денек, но только бы был.

* * *

Парк был разбит почти в самом центре города, его массивные бронзовые ворота выходили на площадь возле здания Городской Управы. И потому неудивительно, что любой праздник, начинаясь на этой площади, плавно перетекал на длинные извилистые аллеи и многочисленные живописные лужайки. Я бывала в этом парке множество раз, и в шумные

праздники, и в обычные выходные. В детстве родители возили меня сюда кататься на аттракционах, а в старших классах школы нам случалось прогуливать здесь уроки. Этот парк я действительно любила, и может, не так уж плохо, что он заставил меня сюда выбраться.

В последнее время, с головой уйдя в учебу, я нигде, кроме универа, не бывала, совсем не гуляла и ни с кем не встречалась. Школьные приятели рассеялись кто куда, обживаясь в новых местах и коллективах, моя лучшая подруга, с которой, мне казалось, век не расстанемся, навеки ушла на ту сторону Бездны, а в универе я не приживалась. Нет, я им не мешала, меня не сторонились, но и интересна я никому из них не была. В компанию меня не звали, и домой я обычно ездила в одиночестве.

Мы миновали массивные ворота и словно оставили город за спиной. Вековые дубы шелестели над нами последними засохшими листьями, центральная аллея, прямая и ровная, уходила, казалось, за горизонт. А солнце висело прямо над ней, отражаясь в многочисленных лужах, слепя глаза, заставляя забыть, что это осень, последний бал накануне долгой холодной зимы.

– Знаешь, бывают такие дни, – произнес Анхен, вновь ласково обнимая меня за талию и уже не встречая сопротивления, – они иллюзия, они обман, им не надо верить. Думать, что они что-то там знаменуют собой или к чему-то обязывают. В них можно просто войти и наслаждаться мгновением. Здесь и сейчас. И не важно, что было вчера и что будет завтра.

– Завтра тебе надоест быть мальчиком Антоном в дурацкой шапке, а я так и не пойму, зачем тебе все это было нужно.

– Завтра я и не смогу быть мальчиком Антоном, потому что мальчика Антона не существует. Но сегодня я могу угостить тебя сахарной ватой. Соглашайся, это не слишком дорогой подарок, и ты можешь себе позволить его принять.

Лоток с ватой стоял у нас прямо на пути, и я почти соблазнилась, глядя на мальчишку, с аппетитом отхватывающего зубами огромные куски от пушистого розового кокона на палочке. Но потом вспомнила, что доест этот шедевр кулинарной мысли до конца мне ни разу не удавалось, зато перепачкаться липким тающим сахаром получалось регулярно. Липкие руки, липкие губы...

– Я не слишком люблю сахарную вату.

– Конечно. А если я предложу тебе шарик с сердечком, ты скажешь, что это пошло?

Шариками торговали у следующего по курсу лотка.

– Чудовищно пошло. Идти рядом с тобой с таким шариком – это все равно что написать у себя на лбу: «Я верю в любовь с вампиром».

Он посмеялся:

– А ты не веришь в любовь с вампиром?

– Я верю, что вон тот мальчик очень любит сахарную вату. Но сомневаюсь, что она отвечает ему взаимностью.

– Видела б ты, как она тает у него на губах, – протянул он мечтательно, лукаво поблескивая глазами, – а еще я знаю детские стишки про бутерброд, мечтавший прыгнуть кому-то там в рот.

– А ты уверен, что эти стихи были написаны лично бутербродом?

Он чуть приобнял меня, посмеиваясь, коснувшись на секунду виском виска.

– Идем. Я знаю, от чего ты не сможешь отказаться, – и, взяв меня за руку, потащил куда-то вбок от главной аллеи, по далеко не самой широкой тропинке.

– Эй, уговор был про людные аллеи!

– Уговора не было! Когда я предлагал тебе людные аллеи, ты отвергла мое предложение! Договор был заключен позднее на слово «парк».

– Анхен!

– Мне приятно, что ты наконец решилась назвать меня по имени.

Тут он резко затормозил и обернулся, так, что я едва не врезалась в его широкую грудь. Он взял меня обеими руками за плечи, не давая отстраниться.

– Ну перестань, – попросил он меня тихо и серьезно, – ты же прекрасно знаешь, что ничего я тебе не сделаю. Здесь просто короче. Не спорь со мной хотя бы изредка, ладно?

Я кивнула и покорно пошла за ним, понимая, что его присутствие все-таки сводит меня с ума. Что бы он ни говорил про отсутствующий у меня голос крови. Мне было хорошо рядом с ним. Я могла с ним не соглашаться и даже спорить, но, пока он держал меня за руку, я не могла бояться его или ненавидеть, я ощущала к нему глубокую, почти родственную симпатию и опасалась лишь одного, что он отпустит мою руку и уйдет, оставив одну. Это все потому, что он вампир. Это их вампирское обаяние, вампирская магия. Но то, что я понимала это, никак не спасало меня от пучины симпатии, в которую я погружалась.

– Вот уже и пришли. Ты давно последний раз каталась на велосипеде?

Пункт проката появился в парке не слишком давно, и, хотя я и знала о нем, мне и в голову не пришло, что мы идем именно сюда.

– Ты что, предлагаешь нам покататься на велосипедах? – Я даже не пыталась скрыть удивление.

– Ну, следуя за тобой на велосипеде, мне точно не удастся насладиться твоей кровью, а ты ведь этого боишься? – Он опять надо мной смеялся.

– Я боюсь, что моя длинная юбка, не предназначенная для велосипедных прогулок, попадет в цепь и будет безнадежно испорчена.

– Это ты у меня так витиевато новую юбку в подарок вымогаешь?

Я вспыхнула.

– Ну, если других возражений нет – пойдем выбирать велосипеды.

И я позволила ему усадить меня на велосипед и, проклиная неудобную одежду, поехала вслед за ним, петляя по тропинкам и дорожкам, объезжая бесконечные грязь и лужи. Нет, юбка в любом случае будет испорчена, даже если не вымажется в смазке – непременно соберет на себя все брызги этой вездесущей жижи. И вот что, если разобраться, на мне еще могло быть надето? Я собиралась в библиотеку. Согласно существующим правилам приличия, в общественных местах – на работе, учебе, в библиотеках и музеях, театрах и ресторанах – женщинам следовало появляться только в юбках. Причем нужной длины. Но на спорт и отдых это правило не распространялось. И потому смотрелась я сейчас в своей юбке на велосипеде столь же нелепо, как выглядела бы на лекции в тех обтягивающих брючках, в которых отплясывала на последнем Регинкином дне рождения.

Но постепенно езда увлекла меня. Дорожки петляли – то влево, то вправо, то вверх, то вниз, и ветер свистит в ушах на спуске, и ноги все ощутимей болят на подъеме, и где мне взять вампирскую грацию, чтобы не свалиться, завязнув в грязи, в какую-нибудь лужу? Да еще бы не потерять его на всех этих поворотах, вон как мчится наш мальчик Антоша, словно крылья за спиной хлопают.

Наконец, на высоком берегу Большого пруда, он остановился и слез с велосипеда, поджидая меня. Через пару секунд я притормозила рядом – раскрасневшаяся, уставшая, но довольная, и он не мог этого не заметить.

– Ну вот, а говорила – библиотека. Пойдем присядем ненадолго, хоть дыхание выровняешь.

Он повел меня к небольшому деревянному домику над прудом. Зимой им пользовались как раздевалкой любители-моржи, а сейчас он был пуст и заперт, и вокруг тоже не было ни души, словно мы единственные забрались сегодня в этот дальний уголок парка. Дверь домика выходила на широкий деревянный настил, от которого вниз, до самой воды, шли ступеньки. На солнце доски прогрелись и высохли, и было отчетливо видно, что за все последовавшие за заморозками дни на них не ступала нога человека.

Мы прислонили велосипеды к стене и расположились на настиле, свесив ноги на ступеньки, глядя на поблескивающую на солнце поверхность пруда, на далекий противоположный берег, шумный и многолюдный. Там, почти у самой воды, расположились детские площадки, батуты и карусели, там стояли в рядок лотки с пирожками и мороженым, воздушными шарами и игрушками, дымили многочисленные закусочные, соблазняя гуляющую публику ароматами жареного мяса. На нашей стороне пруда не было ничего. Кроме этого домика, ковра засохших листьев под ногами да сплошной стены вековых деревьев.

– Наверное, ты помнишь эти деревья еще саженцами, – проговорила, поддавшись настроению.

– Здесь всегда был лес, – не согласился Анхен, – его просто облагородили, проложив дорожки да запрудив речушку, что протекала по дну оврага. А на той стороне – да, и саженцы, и торжественная закладка главной аллеи, и гордые речи, полные похвальбы и надежды. Меня приглашали на открытие.

– Сколько тебе лет, Анхен?

– Восемьсот шесть.

– И кого вы сожрали на последнем юбилее? – не смогла удержаться, хоть и чувствовала, что сейчас все испорчу.

– Это очень личные воспоминания, и я не уверен, что хочу ими делиться, – ответил он совершенно спокойно.

– Хорошо, вопрос неправильный, допустим. Но ты можешь мне честно сказать: как часто ты убиваешь людей? Не тех, которыми тебя угостили, а сам, лично?

– Одного-двух в год. Иногда никого, иногда и больше – зависит от конкретных людей и ситуаций.

– И это считается нормальным? Ну, по вашим, вампирским, нормам.

– Да, вполне. Кстати, и по вашим тоже, хоть это и не афишируется. Ваши правители здорово боятся перенаселения, ведь расширяться вам особо некуда.

– Какая глупость, у нас есть множество незаселенных территорий. А у вас и того больше. Насколько я помню географию, непроходимые леса к востоку от вашего Города тянутся на тысячи километров. В случае перенаселения сможете и подвинуться.

– Нет, какие наглые проворные человечки. Не успели обрести свободу, а уже жаждете заполнить собой всю землю, – засмеялся он. – Но правда в том, что никто не жаждет выделять средства на развитие и заселение новых земель в вашей счастливой стране. Вашему правительству удобней, чтоб в этом просто не возникало необходимости. Что же касается идеи заселения людьми части наших восточных территорий, с последующей придачей им статуса суверенного государства, то такой проект уже рассматривался Высшим Советом Вампиров и был одобрен, хотя и отложен на далекую перспективу.

– А ты мне можешь объяснить: зачем вам это? Зачем вы возитесь с нами, помогая развивать науку и повышать уровень жизни?

– Ну, во-первых, нам просто нравится создавать, смотреть, как из саженцев вырастают деревья, а из вчерашних полумразумных существ, едва владеющих речью, вырастают инженеры и биохимики.

– А во-вторых? – потребовала я, увидев, что продолжать он не собирается.

– А во-вторых тебе не понравится.

– А ты обещал отвечать честно.

– Но я не обещал рассказывать абсолютно все.

– Неправда! Ты обещал ответить на все вопросы, которые мне придет в голову тебе задать.

– Хорошо, сама напросилась. Причина в том, что ваша кровь вкуснее. Чем более разумной, полноценной жизнью живет человек, чем больше у него знаний, навыков, реализованных и нереализованных желаний, тем богаче и насыщенней вкус его крови. И потому, как бы ни были полны наши загоны и стойла, мы всегда будем приходить к вам и пить вашу кровь, порой забирая ее вместе с жизнью. А знания и навыки – это единственное, чем мы можем с вами за это расплатиться. К вашей и нашей выгоде. Такой ответ засчитывается?

– Он больше похож на правду.

– Он так же правдив, как и первый. Почему ты хочешь отказать нам в стремлении к красоте и гармонии?

– Потому что в убийстве человека нет ни красоты, ни гармонии.

– Это не убийство, дурочка, это воссоединение. Твоя кровь сливается с моей кровью, твоя душа навеки становится частичкой моей души, обретая мое бессмертие, а пустая телесная оболочка просто становится ненужной, вот и все.

– Но я не хочу ни с кем сливаться. Не хочу быть частью чьего-то бессмертия!

– Сейчас – возможно. Твое право. Всегда есть достаточно тех, кто хочет.

Я вспомнила маму, ласково глядящую нам вслед.

– Или думает, что хочет. Потому что кто-то заставил его так думать.

– Или думает. Постарайся понять простую вещь: мы сильнее вас. Психологически, ментально. Наш разум подавляет ваш самим фактом своего нахождения рядом. Не потому, что мы прилагаем к этому усилия. Напротив, усилия приходится прилагать, чтобы не подавлять, чтобы услышать от любого человека, с которым я общаюсь, не мои мысли, а его собственные. Усилия приходится прилагать, чтобы ваше свободное и независимое государство действительно было таковым, чтобы ваши правители не бежали к нам за советом по самому ничтожному поводу, чтобы ваши медики действительно разрабатывали свои методики лечения, свои лекарства, методы диагностики, наконец, а не смотрели мне в рот, пытаясь угадать, какой ответ будет правильным. Вот как при таком отношении ты хочешь, чтобы мы не считали вас продолжением себя? Не считали возможным взять любого из вас в любой момент времени? Если вы сами ничего другого хотите не в состоянии? Ведь, как я уже сказал, вы бесконечно вкуснее тех, кто принадлежит нам по праву. Так что мы еще сдерживаемся. Который век уже сдерживаемся и все ждем, что из вас все-таки получатся разумные люди.

– Мне всегда казалось, что мы уже разумные люди. И если бы вы оставили нас совсем, то, возможно, нам бы и не понадобилась ваша помощь.

– Ага, и сидели бы вы голые, ждали, когда молния с неба ударит, чтобы хоть костер развести да обогреться. Нам это зачем? Вы – хоть ты как изводишься – наша пища. У вас свой интерес, у нас свой. По-моему, симбиоз получился весьма органичный. К немалой выгоде сторон.

– А твой дружок говорил, что вы и без нас не голодаете, а мы так, на десерт.

– На десерт, на обед, на перекус. Я подолгу живу в вашей стране и пью – и пил, и буду пить – вашу кровь у многих и часто, и все они живы и здоровы, и весьма довольны, что им так в жизни повезло: ощутить укус вампира, поделиться с ним своей кровью.

– Да, здорово. А как же те один-два, которых ты все же убиваешь?

– Так, как я уже говорил: умирают, сливаясь со мною в вечности. И становясь куда более счастливыми, чем те, у кого я просто попросил каплю крови для поднятия настроения.

– Отпусти меня домой, пожалуйста. – Мое настроение было безнадежно испорчено.

– Я настолько тебе неприятен?

– Не знаю. Просто чем больше я задаю вопросов, тем отчетливей понимаю, что не слишком хочу знать ответы.

– Мне казалось, ты хочешь понять.

– Я не смогу этого понять. Скажи, а где-нибудь, быть может очень далеко, есть земли без вампиров?

– Есть земли без людей. Этот мир принадлежит вампирам.

– Жаль. – Я откинулась на доски, чтобы видеть только небо. Но все равно видела и его. – А ты не мог бы снять эту дурацкую шапку, и так рассказываешь какую-то мерзость, еще и выглядишь, как...

Он снял.

– Так лучше?

– Наверное. И хвост из куртки вытащи, ты все равно не похож на Антона. Ни у одного Антона в мире нет в голове такого количества... – Я задумалась, как покорректней выразить свое ощущение от его рассказов.

– Я говорил, что Антоном я быть не могу, разве что казаться, да и то недолго.

– Жаль... – Я постаралась смотреть только на облака. Облака были где-то невообразимо высоко и столь тонкие, что сквозь них проглядывала синь небес. А Анхен был совсем рядом, и я могла бы коснуться его рукой. Но касаться его мне совершенно не хотелось, он казался куда более чуждым, чем облака в поднебесье. Он и не претендовал. Просто сидел, разглядывая водную гладь, а может, берег на той стороне. Его собранные в хвост черные волосы свисали вдоль спины, более не скрываясь от посторонних взглядов. Никакой особенной вампирской заколки в них не было, обычный черный шнурок, завязанный в узел. Попыталась вспомнить, была ли заколка у Лоу во время нашей последней встречи, но поняла, что совершенно не обратила на это внимания. Как-то было не до того. А сейчас стало любопытно.

– Анхен, а вампиры носят серебряные заколки?

– Разные носят, если костюму соответствует. Это ты к чему?

– Ну, наши мальчики, что под вампиров косят, все как один закалывают свои хвосты такими особенными трубчатыми заколками. Стало любопытно, откуда это взялось.

– Понятно. Подобные заколки были в моде лет двести тому назад. Только они были не серебряные. Их делали из платины и инкрустировали проволокой еще более дорогих металлов. Это было связано с открытием ряда месторождений. Тогда в нашем обществе была

определенная эйфория, всем казалось, что находка позволяет удачно решить одну техническую проблему, что мучает наших лучших специалистов не одну сотню лет. Заколки с использованием металлических нитей, полученных при разработке этих месторождений, были сделаны для всех Высших вампиров, и мы носили их с гордостью, как символ нашей скорой победы над костной материей. Ну а поскольку только Высшим вампирам разрешено появляться в Стране Людей, то и создалось впечатление, что подобные заколки – просто неотъемлемая часть вампирского облика. И появились подражатели. А с годами все так привыкли, что даже не замечают, что вампиры давно уже не носят тех заколок.

– Что, надежды не оправдались? Или старые свершения стали с годами не слишком-то важны?

– Надежды не оправдались. Оказалось, что наличие у нас в необходимом количестве редких металлов проблемы не решает. Нужно что-то еще. Или что-то совсем другое. Годы идут, а мы так и не можем найти ответ.

– Это настолько важно? – Я даже приподнялась и уселась рядом, настолько он меня заинтриговал. Всезнающие вампиры столетиями не могут решить какую-то проблему!

– Это важно настолько, что даже был создан специальный научный институт, в котором над решением проблемы бьются не только наши, но и человеческие ученые.

– Совместно? Никогда о таком не слышала. Мы же для вас недостаточно развитые, нам до ваших технологий еще расти, как до неба.

– Возможно, проблему решат совсем другие технологии. Те, мимо которых мы в свое время прошли. Тут не до гордости, был бы результат.

– Но в чем проблема-то, так и не скажешь?

– Так и не скажу. Это секретные разработки, и сам институт находится по нашу сторону Бездны.

– Но... ведь с той стороны Бездны не возвращаются. Или здесь сделано исключение?

– Из этого правила нет исключений. Как я уже говорил – это действительно настолько важно.

Попыталась как-то осмыслить услышанное. Ничего себе заколочка. Для нас – символ вампирской моды, а для них, оказывается, просто памятник несбывшимся надеждам.

– И у тебя такая была?

– Конечно, я же Высший. Впрочем, почему была? Она и сейчас где-то валяется. С веками мой дом все больше превращается в склад.

Особенности его дома меня сейчас не привлекали. Интересней было другое. Для меня вампиры всегда были просто вампиры. А они, оказывается, как-то делятся.

– Анхен, если ты Высший, то значит, бывают и другие, Низшие...

– Есть Низшие, есть Младшие, но ты никогда не встретишь ни тех, ни других, потому что по эту сторону Бездны им появляться запрещено. А на нашу сторону ты вроде не собираешься.

– Не собираюсь. Анхен, а почему об этом нигде не рассказывают? Ну, про Высших, Низших и прочее. Или это очередная вампирская тайна?

– Это не тайна, просто никому не интересно. Есть книги, они стоят в библиотеке в открытом доступе, и про социальное устройство вампиров, и про политическое, и про нашу историю, и мифологию, все, что хочешь. Только их никто не читает, разве что студенты-историки. А на исторический сама знаешь, какой конкурс: полтора человека на место. Так высоко в вашем обществе стремление к познанию чего-то, что не касается напрямую ваших

насущенных проблем. А о вампирах вообще принято исключительно мечтать, вздыхая сладострастно, а не вникать, на кого они там делятся, и делятся ли вообще, или другим каким способом размножаются.

А вот на это не поведусь, даже и не мечтай.

– И что же вы делаете у нас так долго, куратор, раз вы так сильно презираете людей?

– Я вас не презираю, просто отчетливо представляю себе ваше место в эволюционной цепочке. Вы значительно разумней собак, я не спорю, но далеко не настолько, как вам самим это кажется. Что до меня, то должен же вас кто-то учить и лечить, не то перемрете все, как дикари в наших восточных лесах.

– Какие дикари?

– Обычные, человеческие. Их оставили в покое, как ты мечтаешь для своей страны. Да только за прошедшее тысячелетие они так и не вышли из первобытного состояния. Не то что городов – поселений-то толком нет, да и перемерло большинство от болезней да эпидемий. Еще лет тридцать – пятьдесят, и вообще никого не останется. Неудачный эксперимент.

– Зачем ты рассказываешь мне все это? Думаешь, мне приятно слушать и понимать, что вы столетиями врете нам про свободу и торжество разума, а сами просто организовали экспериментальный заповедник по выращиванию вкусной и питательной биомассы.

– К вашей и нашей выгоде. Не думаю, что ты предпочла бы жить в загоне с теми, чьим предкам не так повезло, когда определяли степень их разумности. Ты рассуждаешь так, словно мы вас поработили, хотя все было прямо наоборот.

Я молчала. С самого детства нам твердили, что мы рождены свободными, разумными, а потому нет границ для полета нашей фантазии и торжества нашего разума. И мы вырастали, считая это аксиомой, не замечая, что границы были. Вот хотя бы территориальные – так ведь просто незыблемые. С запада наши земли ограничивали горы. Они тянулись от Северного, покрытого вечными льдами, моря до жарких южных пустынь. Более двух с половиной тысяч километров нескончаемых каменных стен, украшенных снежными шапками, едва различимыми среди облаков. Горы были основным источником наших богатств, ибо каких только месторождений там ни разрабатывали, но они же являлись и непреодолимой преградой, ведь пути через них не было. В этом были, конечно, свои плюсы: за горами располагались земли вампирского народа, куда менее цивилизованного и не склонного рассматривать людей в качестве полноправного партнера по освоению мира. Но никакой полет фантазии торжествующего разума сдвинуть эти горы был не в силах. Ни жаркие пустыни юга, ни вечные льды сурового севера возможностей территориальной экспансии нам также не сулили, и даже отправка исследовательских экспедиций в те области казалась всем крайне непродуктивным использованием людских ресурсов. Ну а на востоке, как известно, раскинулась Бездна. Она тянулась, словно глубокая незаживающая рана, с вздыбившимися вверх уродливыми рваными краями. Тянулась, подобно Великим Западным горам, с севера на юг, ограничивая наши земли от и до, но являясь этим горам абсолютной мистической противоположностью. Горы были сурово материальны и бесконечно высоки, Бездна же была пустотой, отсутствием всего и уходила вниз на те же бесконечные тысячи метров. А за Бездной стоял Город, наш потерянный рай, наша древняя прародина. В который можно вернуться лишь однажды и лишь так, как это сделала Лизка. Нет границ у человеческого разума, но мы закованы в границы территорий, нам даже всю землю не обойти. Узкой лентой тянулась наша страна, зажата между горами и Бездной, стиснутая ими в страстных железных объятиях. Одна радость, что вытянулась она с севера на юг, хоть

климатических поясов – воз и маленькая тележка, представить можно, как же жизнь на земле изменчива. Представить. Но до конца никогда не познать. И от нежной опеки вампиров вовек не избавиться. Потому что они вообще никогда не считали нас разумными.

Я снова легла и стала смотреть, как солнце просачивается тоненькими лучиками сквозь сосновые иглы.

– Ты когда-нибудь был по ту сторону Западных гор?

– Случалось. – Он тоже лег на нагретые солнцем доски, совсем рядом со мной, но никак меня не касаясь, и смотрел лишь на небо, почти лишенное в этот день облаков.

– Во время войны? – Я знала из истории, что они долго воевали с теми вампирами, что жили от нас на западе, а потом заключили мир, объявив горы непересекаемой границей на веки вечные.

– Не только. Потом просто путешествовал.

– А как же запрет появляться в западных землях?

– А зачем ходить с плакатом «Я с востока»? Они охраняют только границу, а стоит отъехать на сотню километров вглубь – и никто уже не помнит о той войне.

– И ты много где побывал?

– Да, более чем.

– И как?

– У нас лучше. Поэтому я и вернулся.

– Мне бы тоже хотелось увидеть мир.

– А ты уже объехала всю страну? Начни с малого. У вас существуют тысячи туристских маршрутов и миллионы мест, которые стоит увидеть.

– А мне бы хотелось увидеть море.

– Северное – оно тоже море. И в июле там даже можно купаться. Немного прохладно, но можно.

– Тебе легко говорить. При желании ты можешь купаться в любом. А я – если только очень повезет. И то – исключительно в Северном.

– Ну, мне тоже приходилось прикладывать определенные усилия. У нас довольно напряженные отношения с соседями по всей протяженности наших границ. И официально мы этих границ не пересекаем. Поскольку требуем того же от всех наших соседей. Если бы меня поймали, Владыка скорее отрекся бы от меня, чем стал спасать мою глупую голову.

– Но он знал, что ты путешествуешь, или ты уехал втайне?

– Я уехал молча. Но он знал. На то он и Владыка.

– Ты мне расскажешь про южные моря?

– Самые южные? Они похожи на Северное: холодные и полные льда.

– Не смешно! – Я резко села и взглянула на него сверху вниз. – Может, нам и не суждено путешествовать, но всеобщую географию мы в школе учим, хоть и не так подробно, как родную. Я имела в виду те, что ближе к экватору.

Он лежал, лениво закинув руки за голову, лукаво поблескивая на меня своими космическими глазами.

– И вот что ты все время злишься? Как дикий зверек, честное слово.

– Так ты расскажешь?

– Пожалуй. Если ты перестанешь скакать, как дикая белка, приляжешь рядом и положишь голову мне на грудь.

– Анхен!

– Хорошо, на живот. Ты права, так тебе будет мягче. И позволишь гладить тебя по волосам.

– Анхен, прекрати, мы так не договаривались! И вообще, это что – твой очередной «смелый эксперимент»? Зачем?

– Хочется. Красивый день, красивое место, красивая дева рядом – что еще надо для счастья?

– Анхен, прекрати надо мной издеваться. Ты просто не хочешь ничего рассказывать!

– Неправда. Просто я хочу рассказывать тебе. А я не чувствую тебя, ты для меня как голос в телефоне: фантом, мираж. Понимаешь, любого человека я ощущаю изнутри: каждое движение его мысли, каждый порыв его души. Он словно состоит из крючков, за которые я держу его. А у тебя нет крючков, и мне не за что зацепиться. Невольно хочется коснуться, чтоб убедиться, что ты существуешь.

– Так коснуться, а не «голову на грудь».

– Вот тебе действительно это так невероятно сложно?

Я вздохнула, поддаваясь обаянию его искренности, хоть и не веря в нее до конца. Потом все же сделала, как он просил: улеглась боком на доски, развернувшись к нему лицом и положив голову ему на живот. Одной рукой он взял меня за руку, другой осторожно провел по волосам. Я не возражала.

И он не спеша заговорил. О далеких теплых морях, обдающих водопадами пенных брызг. О затерянных в этих морях островах, усыпанных чистейшим белым песком. О разноцветных коралловых рыбках и причудливых раковинах, что вечно хранят в своей извилистой глубине шум породившего их моря.

Его рука легко скользила по моим волосам, а я жмурилась, как котенок, убаюканная его словами и его лаской, и только слегка опасалась, что он сделает что-то, что нарушит очарование момента, заставит меня вставать, вырываясь из кольца его рук. Потому что мне бы хотелось остаться так вечно.

Стоп! Что за безумные вампирские фокусы? Еще минут десять, и я, пожалуй, захочу умереть, лишь бы не покидать его сладких объятий!

– Отпусти меня! – стремительно села.

– Я тебя не держу, – он смотрел слегка удивленно, – что опять не так?

– Ты делаешь это специально! Топишь меня в своем вампирском обаянии, лишая воли и способности разумно мыслить!

– А может, я тебе просто нравлюсь? Без всякой вампирской магии, обычно, по-человечески?

– Так не бывает.

– Это еще почему? Даже если б я не был вампиром, я все равно был бы весьма привлекательным молодым человеком противоположного пола. Юным девам свойственно влюбляться.

– Что за чушь! Да и вообще, с чего ты взял, что ты «весьма привлекательный»? Самый обычный. Убери всю твою вампирскую ауру – и второй раз не взглянешь. Вот дружок твой – он да, красавец писанный, даже будь он обычным парнем с такой внешностью, за ним бы толпами девчонки бегали.

– Правда? – Анхен смотрел куда-то в небо, и насмешки в его голосе не было.

– Можно подумать, раньше тебе этого не говорили.

– Ты и представить себе не можешь, сколько есть в мире вещей, о которых мне никогда

не говорили. Даже я сам с трудом себе это представляю. Потому и брожу тут с тобой, чтобы понять, что же нового можно услышать, когда человек говорящий.

Очередной наезд на людей вообще и себя в частности решила пропустить, интересней было другое:

– Нет, ну ладно, на людей так действует твое вампирское обаяние, что они не то что говорить, соотносить объективно не могут. Но вампиры? Или ты с вампирскими девами не общаешься, чтоб самолюбие не ущемлять? – не смогла не съязвить в конце.

– А для вампирских дев я слишком выгодный жених, это затмевает любые мои недостатки.

– Тебе восемьсот лет, и ты все еще жених? – Пока он не заговорил об этом, я даже как-то не задумывалась о его семейном положении, а ведь у него, наверно, и прапраправнуки давно женаты.

– Мы не моногамны, – он пожал плечами, – сейчас жених.

– Сейчас? – попыталась уточнить.

– К чему тебе такие подробности? – Легко оттолкнувшись от настила, он тоже сел, вновь приблизившись ко мне. – Вампиры женятся на вампиршах, человеческие мальчики – на человеческих девочках, и никак иначе. Перекрестного опыления не бывает, межвидовые браки самой природой не предусмотрены. Единственный вид любви с вампиром – это быть выпитой им до последней капли.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Из опасения, что мои действия введут тебя в заблуждение. Я не ухаживаю за тобой и позвал не на свидание. Мне было интересно пообщаться с тобой в неформальной обстановке, потому что, как я уже говорил, ты уникальна. Но, сколь бы ты ни любила кошек, ты никогда не признаешь их равными людям, даже если одна из них начнет говорить человеческим голосом.

– Я больше люблю собак. И ты напрасно волнуешься. Единственное объективное чувство, которое определяет мое отношение к тебе, это страх. Да, в какие-то моменты я могу чувствовать симпатию к тебе, дружеское расположение, а если ты снова меня обнимешь, мне может даже показаться, что я готова сидеть с тобой в этом парке вечно. Но если убрать весь флер твоего вампирского обаяния, останется – только страх. Ну а то, что все мы для тебя, для всех вас – только кошки, я уже поняла, можно больше не повторять, спасибо.

Я отвернулась от него, нахохлившись. Стало зябко. Солнце могло светить сколь угодно ярко, но это был почти ноябрь.

Он притянул меня спиной к себе, заключая в кольцо своих рук:

– Сейчас ты скажешь, что тебе не холодно, а мне вдруг захотелось тебя согреть. Прости, я не хотел тебя обижать, и мне жаль, что я так тебя пугаю.

– Мне холодно, – не подтвердила я его опасений. И откинула голову ему на плечи, хотя он, похоже, ждал, что я начну вырываться. – И голодно. И я устала. И хочу домой. И вообще ничего уже не хочу.

– Верю. – Он легко коснулся губами моего виска. – Ты сейчас очень похожа на бедное дитя, до смерти замученное злым вампиром. Поехали, сдадим велосипеды, и я отведу тебя в одно хорошее, уютное кафе совсем рядом с парком.

– Что, там кровь подают прямо в хрустальных бокалах? – не смогла удержаться от насмешки.

– Кровь в бокалах – как это пошло! Никогда, пока на свете есть живые люди. – Я не

сразу поняла, шутит он или всерьез, даже обернулась, чтоб взглянуть в его лицо. Он слегка усмехался. А потом добавил уже серьезно: – У людей есть нелепая привычка обсуждать за едой важные дела и принимать судьбоносные решения. Так что порой приходится присутствовать и в таких заведениях и даже разбираться в качестве кухни, хоть и используя при этом чужой опыт.

– А вампиры за едой дела не обсуждают?

– Минуй нас Бездна! Мы дела с удовольствиями не смешиваем.

– А еда для вас удовольствие? То-то вы ее столь активно смешиваете с сексом.

– Я слышал, даже у людей еда и секс дарят самое сильное наслаждение. Просто вы менее совершенны и поэтому каждое из этих удовольствий вынуждены испытывать отдельно.

– А вы, похоже, просто не в состоянии испытывать их по отдельности. Так что еще большой вопрос, кто из нас более совершенен.

– Заблуждение. В состоянии. Просто людям всегда хочется большего, чем просто отдать свою кровь, и они не любят афишировать, что ничего другого у них не взяли.

– И как всегда виноваты люди!

– В чем? Что тебе не сообщили подробностей? Ну, у тебя есть уникальный шанс познать все на собственном опыте. – Он явно опять начал забавляться.

– Так, я не поняла, – вывернулась из его рук и решительно встала. – Ты только что приглашал пообедать меня или пообедать мной?

– Ну-у, – он тоже поднялся, – выбирать тебе, а я соглашусь с любым из озвученных вариантов.

Почему-то очень хотелось спуститься вниз, к самой воде, и опустить в нее руки. Хотя вода, наверное, уже ледяная, и руки сразу замерзнут. И я побрела следом за Анхеном к велосипедам, и мы уехали прочь, запетляв аллеями. А минут через десять езды я вдруг поймала себя на мысли, что воду не потрогала – словно и на берегу не была, будто пруд был просто картинкой, нарисованной на далекой стене. Но сухие листья, шуршащие под колесами, были реальны, и солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви, тоже были реальны, как и фигура черноволосого велосипедиста, мелькающая впереди. Что я делаю с ним в этом парке, почему не отстану, не уеду прочь на первом же повороте? А главное: ему это все зачем? Почему он так бездарно тратит свой выходной – на прогулку с первокурсницей, которая не готова ни кормить его, ни ублажать? Неужели и вправду настолько наскучило всеобщее обожание?

Анхен чуть притормозил, позволил мне поравняться с ним и спросил:

– Мы поедем напрямик через мост или в объезд вокруг пруда?

– Через мост.

Я чувствовала себя усталой. Слишком давно я каталась на велосипеде в последний раз. Кажется, лет в двенадцать в деревне у бабушки.

– Там много народа. Ты точно ни в кого не врежешься?

– Я езжу настолько плохо?

– Не знаю, тебе видней.

Он вновь умчался вперед, предоставив мне его догонять. Интересно, вампиры вообще не устают или это лично он такой тренированный?

Мы свернули на аллею, ведущую к мосту. Она чем дальше, тем сильнее шла под уклон, и я начала было радостно наращивать скорость, но здесь уже гуляли люди: и парами, и

группами, и с колясками, и с детьми, эти коляски переросшими. Пришлось притормаживать, лавируя меж ними, а Анхен резво удалялся все дальше, ловко огибая препятствия, не снижая скорости. Аллея резко обрывалась лестницей, круто уходящей вниз, и в какой-то миг мне показалось, что он просто спрыгнет с нее вместе с велосипедом, слетит, пользуясь данным от природы умением. Но он резко затормозил почти у края верхней ступеньки, поставил велосипед поперек и стал смотреть, как я приближаюсь. Между нами были еще какие-то люди, его велосипед им мешал, но они молча обходили его, обтекали, словно вода преграду, а он обращал на них внимания не больше, чем камень – на текущую вокруг воду.

Я приближалась медленно, все время тормозя и борясь с искушением пройти крутой склон пешком. Но доехала почти до его колеса.

– Ты же мешаешь проходу, – укорила, спрыгивая на землю.

– Зато уверен, что ты не кувыркнешься с лестницы и не сломаешь шею.

– Да вроде большая уже девочка.

– Вроде, – двусмысленно согласился он, развернул велосипед и начал спускать его по узкому рельсу, положенному поверх ступенек специально для подобного транспорта. Я спустилась на мост следом за ним и пошла пешком, везя за собой велосипед. Мост был достаточно узок и заполнен людьми. Собственно, это был даже не мост, а проход по гребню плотины, создавшей Большой парковый пруд. Слева плескалась вода, а справа был устроен летний театр. Его скамьи широким амфитеатром расположились на склонах оврага, а в самом низу была установлена сцена, по которой сейчас бегали какие-то дети.

Анхен тоже предпочел пройти этот отрезок пешком. На берегу мы вновь сели на велосипеды и поехали по той самой набережной, на которую смотрели, отдыхая возле запертого домика. Здесь было еще многолюдней, сновали дети на велосипедиках, кого-то катали на пони. Пришлось ехать еще более медленно и аккуратно.

– Лариса! – вдруг окликнули меня от одного из многочисленных столиков, расположившихся вокруг небольшого шатра придорожной забегаловки, – эй, Ларка, привет!

Я оглянулась на голос и тут же увидела Петерса. С ним был Марк, еще какой-то незнакомый парень, девчонки. Радостно помахала им рукой и собралась было поскорее проехать дальше, но Анхен остановился и слез с велосипеда.

– Ты куда? – удивилась я.

– Это, кажется, твои друзья, и они рады тебя видеть.

– Да, в школе вместе учились.

– Вот и пойдём пообщаемся. Ты ведь все равно собиралась обедать.

– А ты обещал мне уютное кафе. Решил сэкономить?

– Ага. – Он был настроен весьма решительно, и пришлось слезать и покорно идти к столику. Ну вот и что они теперь обо мне подумают?

– Обычно девушки гордятся, что их застали в моем обществе, – ухмыляясь, шепнул мне на ушко Анхен.

– Вот и гулял бы с теми, кто гордится, – буркнула я в ответ. – Вот что я им теперь скажу?

Ответить он не успел, мы уже подошли, и Петерс, вскочив, радостно меня облапил:

– Ларка, привет! Как я рад тебя видеть, ты не представляешь!

Бодро протянул руку Анхену:

– Рад знакомству, Петр, можно Петерс. Мы с Лариской вместе в школе учились, с выпускного не виделись. – Тут он наконец осознал, с кем разговаривает, лицо его чуть изменилось, а протянутая рука дрогнула.

Но Анхен уже пожимал ее, невозмутимый, с обаятельной открытой улыбкой на устах:

– Очень рад познакомиться с друзьями Ларисы. Я Анхен. Мы будем рады, если вы пригласите нас за ваш стол. Лариса проголодалась, и мы как раз искали место, где пообедать.

– Да-да, конечно, присаживайтесь. – И вот компания уже двигается, освобождая нам место, Анхен пожимает руку Марику и третьему парню, выясняя, что зовут его Артем, затем раскланивается с девами. Они краснеют и млеют под его чарующим взглядом, парни тоже под впечатлением от встречи с настоящим вампиром. Но прежде, чем повисает неловкая пауза, Анхен произносит:

– Здесь ведь самообслуживание? Пойду добывать еду. Ларис, ты будешь, как ребята, мясо?

– И салат, – если уж изображать подружку вампира, так хотя бы капризную.

Он откровенно смеется:

– Для тебя – даже салат, – и скрывается в шатре, весьма довольный собой.

И тут компанию прорывает:

– Ну ты, мать, даешь, – пораженно качает головой Петерс, – и где ты их только находишь?

– Да они все больше сами находятяся, – развожу руками. Что тут еще скажешь. Невиноватая я.

– А он что, правда, настоящий вампир? – замороженно вопрошает одна из девиц, Катя, кажется.

– Конечно, вампир, разве ты не чувствуешь, разве не видела, какие у него глаза? – перебивает ее другая, чьего имени я не запомнила, и поворачивается ко мне: – А у вас с ним уже было? И каково это, сладко?

– А у тебя с кем-нибудь из этих парней уже было? – киваю на сидящих за столом. – И в какой позе вы предпочли это сотворить, не поделишься?

Девушка злобно вспыхивает, Петерс смеется:

– Девочки, не ссорьтесь, к чему нам такие подробности? Ларка, расскажи лучше: ты как, где?

– Где и хотела. В универе, на медицинском.

– Да? А мы все там же, на геологоразведочном. А вампир твой откуда?

– И вампир с меда. Только он не мой, свой собственный. И у тебя все еще есть шанс.

– Ты в главном здании бываешь хоть иногда? – Петерс, похоже, принял мои слова всерьез.

– Пока не доводилось. Мы все у себя, в пятом корпусе, да по больницам.

– А у нас по средам – в главном все лекции, если вдруг будешь забегать, то мы на большой перемене всегда в столовке.

Ответить я не успела – вернулся Анхен. Если и была в том шатре очередь – она явно вся попадала в обморок при его приближении, а весь персонал носился как угорелый, выполняя его заказ в робкой надежде на его благодарную улыбку. По-другому объяснить скорость, с которой ему удалось «раздобыть еду» я не могла.

Он поставил передо мной тарелку с дымящимся мясом и салатом и водрузил на середину стола огромный жбан пива:

– Мне показалось, было бы неправильно себя ограничивать.

Компания заметно оживилась. Еще бы, в этом возрасте ограничивает разве что отсутствие денег.

– А вы тоже пьете пиво? – наивно поинтересовалась Катя.

– Пиво я обычно разливаю, – невозмутимо ответил Анхен, ласково глядя в ее синие очи, – а пью я потом и совсем другие напитки.

Дева смущенно ахнула и опустила глаза, я расхохоталась. А Анхен действительно разлил по стаканам пиво – на всех, и даже себе налил полстакана, для поддержания компании видимо. Да, а со мной за чаем тогда посидеть не захотел. Хотя тогда б могли и две чашки пострадать.

Я поймала себя на мысли, что мне сейчас хорошо, объективно хорошо, без всяких вампирских шгучек. Я сидела в теплой компании почти забытых, почти потерянных друзей, ела сочное мясо, запивала пивом, хмелела. И даже наличие вампира рядом меня не смущало. Тем более что он бодро обсуждал с компанией проблемы добычи полезных ископаемых, вероятность того, что и в наших горах будут найдены залежи алмазов, и целесообразность геологической разведки в Приполярье. При этом не забывал подливать всем пива, непременно чокался, поддерживая тосты, и даже подносил свой стакан к губам. Ну а то, что при этом он не пил из него ни капли, никого, похоже, не расстраивало.

– Все это ерунда, – вдруг заявил молчавший до того Артем, – скажите, Анхен, а что вы знаете о Бездне?

– О Бездне? – Анхен стал очень серьезен, – похоже, сегодня это вопрос дня.

Да? Странно, я его о Бездне вроде не спрашивала...

– Бездна очень жестока к тем, кто пытается узнать ее тайны. За все, что мы знаем о ней, заплачено жизнями ее исследователей, а знаем мы все равно немного. Знаем, что она образовалась на месте русла большой реки. В результате серьезнейшего катаклизма, который мог погубить всю планету.

– Да, считается, что туда упал метеорит, и войди он чуть глубже, он бы мог расколоть всю землю, – встрял Марик.

– Возможно, метеорит, – согласился Анхен, – а возможно, раскол шел изнутри, что гораздо серьезнее, потому как понимание сути этого процесса у нас отсутствует, а потому нет гарантии, что продолжения не будет.

– Даже вампиры не знают? – удивилась Катя.

– Даже вампиры. Насколько я знаю, на вашем факультете есть кафедра, которая специализируется на вопросах, связанных с геологией Бездны, но внятных ответов по существу нет и у них.

– Да, я знаю, я, собственно, и пошел на этот факультет только ради геологии Бездны, – признался Артем, – я с самого детства мечтал когда-нибудь спуститься туда, к самым ее глубинам.

– Спуститься туда не сложно, – Анхен энтузиазм Артема явно не разделял, – вот подняться обратно – шансов практически нет. Знаешь, Артем, как вампир и ученый я обязан пожать тебе руку и пожелать успехов в будущих научных исследованиях. Но как приятель, угощающий тебя пивом, могу сказать только: выбери другую кафедру. Проблема поиска нефти в Приполярье может быть не менее захватывающая.

Тема становилась слишком мрачной, а Петька в жизни не терпел печальных разговоров.

– Ну ее, Бездну, в бездну, – заявил он решительно, – Анхен, расскажите лучше о себе. Лара сказала, что вы с меда. А чем вы там занимаетесь?

– Ну, чем может заниматься вампир на меде? Вопросами научных исследований в данной области. Ну а вообще я практикующий врач, и говорят, неплохой.

– А какой именно врач? – поинтересовалась девица, чьего имени я не запомнила.

– Хирург. Самая вампирская профессия: опыт с годами накапливается, а сила и координация не уходят.

– А как же море крови вокруг? – удивилась Катя.

– А как же люди работают на кондитерской фабрике? – возразил ей Анхен.

– Что, настолько привыкаете?

– И привычка тоже, – согласился Анхен, – но могу открыть тебе одну страшную вампирскую тайну: кровь больного человека абсолютно несъедобна. Как для вас – протухшие продукты в холодильнике. А здоровые люди под нож не ложатся. Так что не более и поменьше прогуливай физкультуру, а то ни один вампир не укусит. – И он заговорщицки ей подмигнул.

– А вот вы можете нам сказать, Анхен, – вновь вклинился Петька, – чем Ларка так вампиров привлекает? И полгода не прошло, а я ее уже со вторым встречаю, уж простите за прямоту. Первого она, правда, подружке подарила...

– Заткнись! – грозно сверкаю на Петерса глазами.

– А поподробней? – вдруг заинтересовался Анхен.

– Да на Горе дело было, – охотно пускается в объяснялки Петька. – Появился там один – и сразу к Ларке. Глазами томно сверкает, под ручку берет, о любви твердит и горы золотые обещает. А она над ним посмеялась и подружку вместо себя предложила.

– Я не знал, – очень тихо говорит Анхен, внимательно глядя на меня.

– Разве? – Я сижу бледная, с опущенной головой, из последних сил сдерживаясь, чтобы не разрыдаться.

– Кто ж признается, что ему дева отказала? Тем более даже ты признаешь Лоурэла писанным красавцем. Сам он о себе куда более высокого мнения. И тут такой облом! Конечно, он не стал никому об этом рассказывать... Значит, Лизу ему предложила ты.

– Прекрати! Сколько можно меня мучить! Я же не знала, что все так... – Рыдания душили меня, мне оставалось только выскочить из-за стола и броситься прочь не разбирая дороги.

– Что, Ларка все еще страдает о том вампире? – непонимающе уставился мне вслед Петерс.

– Нет, Петя, Лариса винит себя в смерти Лизы, – спокойно объяснил Анхен, поднимаясь. – Нам, видимо, пора. Приятно было познакомиться.

* * *

Я бежала прочь, в лес, в самую чащу. Хотя откуда здесь чаща, это всего лишь городской парк, причем самая истоптанная его половина. Мне хотелось скрыться от всех, но то справа, то слева вечно мелькали какие-то люди, слышались голоса, смех и детские вопли. Подсознательно я, видно, ждала, что вот-вот рука Анхена опустится мне на плечо, меня окликнет его голос, и все стремилась убежать подальше, прежде чем он поймает меня.

Я выскочила на какую-то тропинку прямо под колеса велосипеда, вскрикнула, отлетела в сторону, дрожа, как загнанный зверь.

– Дева! Да смотрите же вы, куда несетесь! – Голос велосипедиста был мне незнаком. Коренастый дядька в спортивном костюме неодобрительно глянул на меня и поехал дальше.

своей дорогой.

И тут только я осознала, что никто за мной не гонится, да, наверно, и не собирался. Я прижалась лбом к какому-то дереву и долго рыдала, не в силах остановиться. «Ты ему предложила. Вместо себя. Подружку. Ему. Вместо себя». Он все равно нашел бы. Кого-то другого. Не Лизку. Не факт, что Лизку. И в этом не было бы моей вины. «Ты ему отдала», – голоса Анхена и Петьки сливались для меня в один бесконечно обвиняющий голос совести. И я все плакала, плакала...

А потом слезы кончились. И надо было решать, что делать дальше. Вампир от меня наконец отстал. Наскучила игрушка, про дела вспомнил. И можно было смело ехать домой. Да вот только кошелек был в сумке, а сумка осталась у мамы, и поездка на автобусе мне не грозила. А пешком было здорово далеко. Был вариант вернуться к компании и попросить взаймы. Петерс не откажет, еще и до дома проводит. Но вот только придется отвечать на вопросы. Говорить про Лизу. На это я была не способна. И потому решительно двинулась к выходу из парка. Солнце еще высоко. Ноги целы. Дойду.

Заблудиться в этих, знакомых с детства трех соснах мне, конечно же, не грозило, как бы я там ни бежала сломя голову. И потому уже через пять минут впереди замаячили ворота главного входа. А еще через три минуты я сумела разглядеть, что, уютно устроившись на скамейке возле самых ворот, меня преспокойно дожидается Анхен.

Молча подошла и села рядом. Он, так же молча, обнял меня одной рукой за плечи. Так мы и сидели, глядя на солнечные блики на лужах, и молчали каждый о своем. Я молчала о том, что он убил мою Лизку. Он и Лоу. И еще кто-то, не так уж важно кто. Они вампиры. Они убивают, даже если в газетах об этом не рассказывают. Традиции у них такие. Гастрономические. Им было все равно кого. Не меня – так Лизку, не ее – так кого угодно еще. Это я выбрала за них. И отдала ее – свою подругу, свою сестру, свою любовь. Просто так, ни за что, к слову. Так кто убил ее: я или они? Или мы? Ну и за что я их ненавижу?

О чем молчал Анхен, я не знала, но он тоже был задумчив и не спешил начать разговор.

Так и сидели, обнявшись: я да вампир. Зачем вампиру дева?

– Когда-нибудь ты убьешь меня? – спросила отстраненно, словно о погоде.

– Когда-нибудь, – согласился он рассеянно, словно не вернувшись из мира собственных мыслей, – не сегодня. Если очень попросишь.

– А если я попрошу сейчас?

Тут он очнулся от размышлений, взглянул на меня внимательно и усмехнулся:

– Не, Ларка, сегодня не выйдет. Сначала я, на основе наблюдений за тобой в естественной среде, напишу очередную диссертацию, получу докторскую степень в смежной профессии, а там уже и обсудим.

– Я такая же. Обычная. Как все. Может, еще и хуже многих.

– Пойдем, угощу тебя горячим чаем. Ты у меня совсем замерзла в этом парке. Сердце того гляди в ледышку превратится.

– Полагаешь, меня спасет чай?

– Вряд ли. Придется самому.

* * *

Чайный домик прятался в лабиринте переулков. Я здесь никогда не бывала, и наверно,

не смогла бы сама отыскать это место, даже будь у меня его точный адрес. Маленький двухэтажный домик среди множества небольших двухэтажных домиков. Мы вошли, и зазвонил колокольчик над дверью. Учувв вампира, к нам тут же бросился расторопный официант и проводил за лучший, по его мнению, столик заведения: в эркере второго этажа, чуть в стороне от всех прочих.

– Можно задвинуть шторы, если желаете, – услужливо предложил он, подавая мне меню.

– Да, если вам не сложно, – вежливо кивнул Анхен, пока я пыталась сообразить: зачем сажать нас у окна и закрывать на нем шторы. Оказалось, шторы имелись в виду не на окнах. Тяжелые портьеры отгородили пространство эркера от остального зала.

Довольно быстро принесли мой заказ, как принято в таких заведениях – «пару чая»: кипяток в большом пузатом чайнике и заварка в чайничке поменьше. Я выбрала для себя чай с морошкой, чисто травяные напитки я не слишком любила. Десерт я не заказывала, но от заведения нам поставили тарелочку небольших пирожных. Чашек поставили две, хотя вряд ли кто не признал в Анхене вампира или полагал, что он станет пить чай.

– Это чтоб нам не звать официанта сразу, как ты расколотишь первую, – усмехнулся он, перехватив мой взгляд.

Злопамятный. Отвечать не хотелось. Говорить не хотелось вовсе. Даже чай выглядел не слишком соблазнительно. Но Анхен налил и пододвинул мне чашку.

– Сейчас ты будешь пить и очень внимательно меня слушать, – сообщил он мне, глядя прямо в глаза своими глубокими, как Бездна, глазами. – Хотя я и подозреваю, что делать эти два дела одновременно для тебя почти непосильная задача.

Возможно, он и правда так думал, может, просто пытался вызвать какую-то реакцию на свои слова. Реагировать не хотелось.

– Я хотел бы поговорить с тобой о Лизе.

Ох нет.

– Во многом ради этого я и пришел к тебе сегодня. Ты изводишь себя который месяц, ты отказываешь себе в праве жить. Но попробуй взглянуть на все другими глазами. Попробуй понять ее и искренне за нее порадоваться.

– Ты ничего не перепутал, точно? Знаешь, я могла бы понять, если б ты попросил порадоваться за тебя с друзьями, как вам было вкусно на том пиру. Но порадоваться, боюсь, все равно бы не получилось.

– Вкусно? Не совсем то слово. Она вся была светом. Светом, воздухом, радугой в небесах. В ней не было ни страха, ни сожаления, ни единого уголка души, который она хотела бы утаить для себя, она все отдавала нам на раскрытых ладонях, всю себя растворяла в своей крови, чтобы проникнуть так – в нас. Она была самой любовью, захлестнувшей нас, и навеки осталась в каждом из нас – бескорыстной, беззаветной любовью.

– Она любила Лоу. Не вас. Вас она не знала. И не хотела. И боялась, что ты мне будешь рассказывать, я виделась с ней накануне!

– Она не боялась. Она стеснялась. Очень мило стеснялась, когда Лоу раздевал ее, а мы смотрели. Но страха в ней не было. Вампиры чувствуют страх, как вы чувствуете резкий запах, кровь от него горчит, меняет вкус. В ней не было страха, ее кровь была чистой энергией солнца, ласкающей нас, словно найденных после долгой разлуки детей. Пойми, Лара, Лоу не заставлял ее, не принуждал. Мы были ее свершившейся мечтой, тебе ли не знать, что именно об этом она мечтала с самого детства. Признай наконец за ней право идти

своим собственным путем, даже если этот путь абсолютно неприемлем для тебя.

– Вы ее свершившейся мечтой не были. Ей хватило бы его одного.

– Но любила-то она не его, не Лоу. Она любила вампира в нем, он был олицетворением ее любви к вампирам вообще. И он понимал это не хуже меня или тебя. Он мог бы выпить ее и один. И почти выпил, и не раз. Но он сдержался, чтобы сделать ей подарок. Он. Подарил. Ей. Вампиров. Самых лучших, на его взгляд. Чтобы она смогла сполна насладиться теми, о ком она всегда мечтала.

– Нет, все равно это не так, неправильно, – я не могла с ним особо спорить, я просто плакала, цепляясь за кусочки расплывающейся картины мира, – любая любовь в чем-то персонификация, но это вовсе не значит, что надо устраивать из этого похабную групповуху.

– Я не знаю, почему тебе кажется это похабным. Вампиры любят так. Мы делим нашу любовь с теми, кто нам близок и дорог. Куда более нелепой нам кажется человеческая выдумка вцепиться в кого-то одного и держаться за него до скрежета зубного.

– Вы просто не умеете любить!

– А по-моему, любить не умеете вы. Иначе ты бы радовалась за свою подругу, что она обрела свое абсолютное счастье, а не бросалась выцарапывать глаза тем, кто ей в этом помог. Несмотря на то что выбранная ею жизнь оказалась совсем не той, какую ты для нее придумала.

– Мне теперь тебе за нее спасибо сказать? – постаралась собрать весь яд, на который была еще способна.

– Мне не надо. А вот Лоу можешь и сказать при встрече. Не за нее. Она тебе не принадлежала. За себя. Потому как он уже дважды спасал твою глупую голову.

– И от чего же, если не секрет?

– Не секрет. Могла бы и сама догадаться. В первый раз на Горе, когда одна светлейшая дева изволила пойти на вопиющее нарушение освященных веками традиций, дисциплины и кто его знает, чего там еще. И если бы Лоурэл не оставил им вместо твоей крови официальное письмо, что кровь ты не сдаешь по его распоряжению, исходя из целей, одобренных лично Советом Вампиров, твои документы не приняли бы не только в университет, но и вообще ни в одно учебное заведение страны – ни высшее, ни среднее.

– Он не говорил, что возможны такие последствия...

– Это значит лишь, что в тот момент он взял на себя обязательства сделать так, чтобы последствий не было. И второе. Если ты помнишь, профессор Ольховников собирался писать письма на работу твоим родителям. Он не шутил. И даже рассказал об этом Лоурэлу. Специально его дождался, чтоб принести извинения от лица университета. И рассказать, какие меры приняты, чтобы подобное не повторилось впредь. Лоу не поленился тогда ему объяснить, что есть меры, принимать которые категорически не стоит. А потом при встрече попросил меня за тобой присмотреть.

– Ах, как это мило. И зачем я ему сдалась? Тоже осчастливить хочет? Какой заботливый вампирчик. У вас там все такие?

– У нас все разные. Как и у вас. А Лоу просто хороший парень, который желает тебе добра. Просто так, ни за чем. Симпатична ты ему. Как и мне. Но можешь не переживать. Для тебя это не будет иметь никаких последствий. Есть мы тебя не собираемся. Ты невкусная. Пей свой чай и хватит плакать.

Пью. Чай уже почти остыл, а я все пью. Слишком долгий день. Слишком много слов. Слишком много слез. Анхен протянул руку, чтобы подлить мне еще чая. Мне не очень

хотелось, но спорить я не стала. Просто смотрела на струю воды, вытекающую из чайника, на пальцы Анхена, обхватившие ручку, на картинку на толстом боку. Вампир и дева. Что еще рисовать на чайниках? Только их. Сэлисэн и Елена. Вампир протягивал своей возлюбленной кустик чая, привезенный им из далеких краев. А она готовилась поливать его слезами, дабы заставить диковинную травку прижиться на наших не слишком-то жарких землях.

– А они и вправду существовали? – спрашиваю, кивнув на чайник.

– Сэлисэн и Елена? Существовали. Кто, кроме вампира, мог бы завезти вам растение из далеких земель? И зачем бы ему это делать, как не из любви? Вампиры чай не пьют.

– Да, она пила его чай, а он – ее кровь. Так и жили, пока не померли.

– Он умер значительно раньше, насколько я знаю. А она дожила до старости. И в память о нем всю свою жизнь посвятила культивированию чая. Чтобы много веков спустя другому вампиру было куда отвести другую деву, дабы ей было где рыдать.

– Не смейся надо мной. А отчего он умер? Вы ведь живете практически вечно.

– Войны, болезни... Мы не бессмертны, у нас просто очень долгий срок жизни.

– Я думала, вампиры не болеют.

– Не болеют. Людскими болезнями. У нас есть и свои.

И я снова пила чай, а он сидел и смотрел на меня. Очень серьезный. Очень спокойный. Совсем не страшный. Почему я его боялась? Вспомнить уже не получалось. Да я и не пыталась. Просто пила чай.

– Анхен, а Лоу тебе кто? – вдруг пришло мне в голову.

– Друг. Кем еще он может мне быть?

– Ну, не знаю. Тебе восемьсот, ему триста пятьдесят. Может, он твой сын?

– Мы настолько похожи? – Он откровенно усмехнулся.

Серебряный красавчик Лоу и черноволосый кареглазый Анхен. Что-то общее в них, конечно, было. Оба высокие, стройные. Гордая осанка. Взгляд – внимательный и вежливый, но полный безграничного осознания собственного превосходства. Обаятельная, буквально сшибающая с ног улыбка, в которой, напротив, ни снисхождения, ни превосходства, только искренняя симпатия и радость от встречи конкретно с тобой. И что-то еще неуловимо общее было в их лицах, не несущих на себе примет времени. Неопределимость возраста, что ли. Никто и никогда не назвал бы их старыми. Но вот и молодыми назвать – язык не повернется. В чем это пряталось – во взгляде? В постановке головы? В рельефе губ? Ни малейшие морщины, понятно, их лица не бороздили. Но передо мной сейчас сидел не мальчишка, не юноша, не студент. Печать прожитых лет в этом лице читалась. Как и в лице его среброкудрого друга. А вот если разглядывать детали, то действительно общего ничего. Другой разрез глаз, форма носа, губы. О чем я думала?

– Ну, не знаю, если вы там все спите с кем попало и как ни попадая, то где вам и разобраться, кто чей папочка, – попыталась вывернуться я.

– До сей поры справлялись. Нет, Ларка, он действительно мой друг. Один из тех, чьей дружбой стоит гордиться. И кстати, о друзьях. Те ребята, что мы встретили в парке, очень искренни в своем хорошем к тебе отношении. Не порывай с ними. Если уж ты не сдружилась ни с кем на своем факультете – общайся хотя бы с ними, не броди вечно одна.

– Ну вот откуда ты все это знаешь? И что тебе за дело?

– А я за тобой присматриваю. Считаю, что нежданно обрела доброго старого дядюшку, которому небезразлична твоя судьба.

– Да? Нет, вот что старый – это понятно. Но я не уверена в твоей доброте.

- А что делать, Ларис? Родственников не выбирают. Уж какой достался. Поедем, отвезу тебя домой, сдам на руки родителям. Волнуются небось.
- После того, что ты навнушал моей маме?
- Ну, прости за маму. Хотел тебя напугать.
- У тебя получилось.
- Прости. Ты права. Я очень старый и крайне злой вампир. Но если ты будешь бесконечно добра ко мне и все время меня прощать, я непременно исправлюсь. Лет за триста – четыреста.
- Когда ты смотришь так серьезно, я не сразу понимаю, что ты издеваешься.
- Это и смешно. Идем. – Он снова взял меня за руку, и я не смогла не улыбнуться ему в ответ. Он был вампиром, он все преграды крушил своим обаянием. И мы снова шли с ним за ручку, как пара влюбленных, и ехали домой в переполненном автобусе, где он прижимал меня к себе, якобы, чтоб я не упала, и это было приятно, и я делала вид, что верю, что это просто так. А может, это и было просто так, а я сама себе все напридумывала, потому что в глубине души хотела, чтоб он в меня влюбился, как Сэлисэн в Елену, и привозил бы подарки из далеких заморских стран. Или лучше увез бы меня на далекое теплое море. Чтоб взглянуть. Хоть одним глазком.

Глава 4

Доктор

Мама взяла теплый зеленый свитер с желтыми цветами и радостно напевала что-то, поглощенная занятием.

– Ларочка, привет, как погуляли? – обернулась она на шум открывшейся двери. – Ты кушать будешь?

– Да нет, спасибо, я уже.

Анхен довел меня до подъезда и тут же ушел не оборачиваясь, словно вспомнив о неотложных делах. Я вздохнула с облегчением, потому что здорово опасалась, что он решит подняться и пообщаться с родителями, да и вообще мне начинало уже казаться, что вампир не уйдет никогда.

Но он ушел, и, не успев еще подняться до родного второго этажа, я уже почувствовала, что мне его не хватает. Какой-то глупый укол тоски, что вот он был – и ушел. Голоса крови у меня нет, ага, как же. Дракосовы вампиры, ведь ничего ж специально не делают, а душу вынимают!

В квартиру вошла решительно, решительно бросила пальто на вешалку, решительно же отказалась от обеда, пристально разглядывая в большом зеркале свою, с утра еще чистую юбку. Нет, вот я так и знала, что все этим кончится. Все в пятнах засохшей и не очень грязи и еще вот эти черные масляные полосы.

– Мам, а велосипедная смазка отстирывается?

– Если сразу стирать, так все отстирывается, – невозмутимо отозвалась из комнаты мама. – Так как погуляли-то? Он что, катал тебя на велосипеде? Это так романтично!

– Ага, укатывал, – мрачно отозвалась я, не отрывая взгляда от зеркала. И поймала взгляд отца. Он сидел в кресле в гостиной, с раскрытой газетой в руках, но смотрел на меня, вернее – на мое отражение в зеркале, очень внимательно, словно пытался найти во мне что-то. Или боялся найти.

– Что-то не так? – спросила, обернувшись.

– Да нет. – Папа перевел взгляд на газетные строчки. Но, едва я зашла к себе в комнату, намереваясь переодеться, он тут же вошел за мной следом и плотно прикрыл дверь.

– Что ему от тебя надо?

– В смысле? – Это что, сейчас сцена «папы ревнуют дочерей к ухажерам»? – Это мой университетский приятель, мы просто ходили гулять.

– Правда? – Папа взял стул и, поставив его спинкой почти вплотную к двери, основательно на нем уселся.

– Правда, – я смотрела папе прямо в глаза, святая, как Анхен, – ни словом не солгала.

– А твой приятель, часом, не забыл сообщить тебе, что он вампир?

– Кураторами факультетов люди не бывают, – пожалала я плечами. – Но маме он об этом говорить не стал, и я не была уверена...

– Так что надо светлейшему куратору от моей дочери?

– В основном объяснить, как следует правильно любить вампиров, не забывая, что именно они даровали нам жизнь, а потому имеют право и передумать.

– Что? Лариса, ты подписывала какие-нибудь бумаги? Что ты ему подписала, дословно

ты можешь вспомнить?! – Папа в панике трясет меня за руки, а до меня только тут доходит, что я ему наговорила и что он себе придумал.

– Я ничего не подписывала, папа, правда, да он и не просил, я не о том, ты не понял!

– Точно? Может, ты просто забыла?

– Точно. Он не может заставить меня забыть. Или захотеть. Или что-то сделать. Ты ведь об этом спрашиваешь?

Папа, сглатывая, кивает, но по-прежнему смотрит очень внимательно, требуя продолжения.

– Анхен сказал, это у меня генетическое отклонение такое. Голос крови отсутствует.

– Так его зовут Анхен?

– Анхе-нари-дит, – выговорила наконец, – ир го тэ Ставэ. Второе имя не помню. Что-то вообще несусветное. Не знаешь, почему у вампиров имена такие... нечеловеческие? Нет, ну если мы от них взяли и язык, и культуру, то почему их имена такие... не наши? Ни в язык, ни в культуру не вписываются?

– Лара, ты разговор на фонетику не уводи. Что за генетическое отклонение? Голос крови не может отсутствовать, это от природы, люди такими созданы.

– Я не знаю. Ты спросил, я ответила, как мне это сказали. Но приказать он мне действительно ничего не может, и это его... не то возмущает, не то забавляет, я не поняла.

– И он что же, проверял?

– Проверял. Я думала, поседею с таких проверок. Не сегодня, еще тогда, в университете. В кабинет к себе вызывал. Потом ночами мне в кошмарах снился. Знаешь, что сказал? «Прости за смелый эксперимент». Я для него как крыса. Лабораторная. Потом диссертацию напишет. А потом убьет. Нет, есть не будет, я для него невкусная, кровь ему моя не подходит, не тот сорт мармелада. Просто шею переломит двумя пальцами и думать забудет, – у меня начиналась истерика, нервное напряжение этого дня и того, первого дня нашего знакомства вырывалось в судорожных всхлипах, катилось по щекам слезами. Я понимала, что надо остановиться, успокоиться и не пугать отца, но рыдания душили меня, вырывая из груди все новые подробности.

– Знаешь, он такой вежливый, такой заботливый, такой галантный – настоящий вампир. Но только все это – лишь пока ему повинуются, пока делают все по его слову, по взмаху ресниц буквально. А стоит сказать ему «нет» или повисить на него голос – и куда что делось!

– Никогда не встречал человека, способного повисить голос на вампира.

– Да ну? Ну, вот считай, что прямо сейчас встретил. Он вот тоже никогда не встречал. Оказался глубоко не готов, вся вампирская вежливость дымом улетела.

– Так это он тебе запястья так украсил?

– А кто еще? Мне было так больно, папа, так страшно, я плакала и умоляла меня отпустить. А он просто сидел себе в кресле и объяснял, что больно будет до тех пор, пока я не осознаю, что веду себя неправильно! А сегодня он пришел, и я так испугалась! А ты не спас меня от него, не защитил! А если бы он и правда уволок и заставил все подписать, ты так бы и сидел и смотрел в окошко?

Папа сел рядом со мной на кровать и тяжело вздохнул.

– Ты не справедлива, дочка. Вот мама бросилась тебя спасать, и что? Она уже даже не помнит, из-за чего она так всполошилась. Голос крови во мне ослаблен, и я могу объективно осознавать их действия и не мечтать стать их пищей. И не желать того же для своих близких.

Но против прямого приказа мне не выстоять. Один взгляд в глаза – и все. Я даже забуду, что у меня была дочь. И чем я тогда тебе помогу? Ты можешь считать меня трусом, но пока я смотрю из-за шторки, у меня есть хоть какой-то шанс.

– Значит, это у меня от тебя такие способности?

– Возможно. Я не думал, что это передается по наследству. И тем более что это может так усилиться в детях. Я никогда не мог сказать «нет». Ни одному вампиру. Хоть и понимал, что просто подчиняюсь приказу. В их глазах страшная сила, Ларка. Не шути с этим. Они не поймут. В конце концов, они наши создатели и имеют право на нашу благодарность. Мы обязаны им всем, и с этим ничего не поделаешь. Мы все их дети, Лара.

– Угу, племянники. По крайней мере, я сегодня обзавелась добрым старым дядюшкой, который будет за мной присматривать.

– Ты ж говоришь, он не был к тебе добр.

– Да нет, это просто нервы. Прости, если напугала. Просто была пара моментов в нашу первую встречу, да и появился он так неожиданно, и плакала я потом из-за Лизки... В общем, все смешалось. Если честно, он был крайне корректен сегодня, очень пытался соответствовать выбранному им образу, и у него даже получалось.

– Быть добрым дядюшкой?

– Нет, милым мальчиком, как он маме представился. А про дядюшку это так, шутка была. Смешны мы ему. Глупые маленькие человечки.

Папа обнял меня, и какое-то время мы просто сидели с ним молча. Потом он поднялся, собираясь уходить, и уже от порога обернулся:

– Я только надеюсь, ты не вздумаешь в него влюбиться?

– В кого, в вампира? Папа, ну что ты в самом деле? Говорю же, не действуют на меня его глазки, хоть он и сверкает ими порой, аки фарами!

Следующие несколько дней в универе были настолько обычны и обыденны, что переживания встречи с вампиром отошли на задний план, поблекли, словно выдумка, не имеющая отношения к реальности. Я не встречала его в коридорах, и даже имени его при мне не звучало. Он где-то там жил своей параллельной жизнью, как жил задолго до меня и будет еще долго жить после. Бывают такие дни, говорил он мне. И можно почти поверить. Но в конце ничего не остается.

А потом по почте пришла посылка. Маленькая коробочка без обратного адреса и имени отправителя. А в коробке лежала огромная белая раковина, закрученная диковинной спиралью.

– Что это, Лара, откуда? – восторженно спрашивала мама. – Я такие только на картинках видала. Это настоящая? Или просто подделка?

– Настоящая. – Я смотрела на ракушку и почти ощущала шум далекого, недостижимого моря. Видела белый песок пустынного пляжа и брызги пены, что разбиваются у ног. А еще огромный дом, похожий на склад. В комнатах которого валяются позабытыми множество чудесных диковин, привезенных некогда хозяином из дальних, запретных стран.

Под неодобрительным взглядом папы я утащила раковину к себе, засунула под стекло в книжную полку. И, засыпая, глупо улыбалась тому, что он все-таки обо мне помнит.

По субботам занятия неизменно проходили в больнице. С утра в маленькой, вечно стылой полуподвальной комнатке нам читали лекции по основам ухода за больными. Потом была практика. В этом семестре у нас был «Терапевтический уход», поэтому практику проходили на первом этаже в терапии. А вот в следующем семестре должен был начаться уход хирургический, и я даже самой себе не желала признаться, почему же мне так не терпится перебраться на третий, в хирургию. Конечно, потому, что там само по себе все интересней: и болезни, и лечение, и уход, а вовсе не из-за того, что один мой случайный знакомый обронил мимоходом, что он хирург, причем практикующий.

Здесь же интересно было разве что в первый раз, вернее – до первого раза, когда я тряслась в переполненном с утра автобусе до больницы, предвкушая, как я, в белом халате, по палатам... ну, не как врач, конечно, но почти как сестра...

Реальность оказалась проще и прозаичнее. Все медицинское, что нам поручалось, это обойти палаты да померить давление и пульс. Лишний раз перемерять давление большинство пациентов не жаждали, с ходу называли нам цифры и просили оставить их в покое. Как сестер они нас не воспринимали, минуя их бездна, воспринимали как студентов: никчемных, неумелых и чересчур многочисленных. Хотя были, конечно, и другие. Из клуба «для тех, кому за...». Эти давление мерить никогда не отказывались, да еще и требовали перемерить, не доверяя полученным результатам. И при этом вдохновенно пересказывали свой анамнез, причем в таких подробностях, что заканчивался он обычно на троюродной внучке двоюродного дяди соседа через дорогу внучатого племянника. Иногда это бывало интересно, чаще – откровенно скучно, тем более что недели шли, старушки менялись редко, а истории – никогда.

Порой нам доверяли разносить обеды, но чаще – мыть полы, выносить судна за лежачими больными, а как-то раз – даже приводить в порядок потекший на больничной кухне холодильник.

Суббота была в больнице мертвым днем. Не работали процедурные, не было никого из врачей, кроме дежурных. Было тихо, пусто и скучно. Наверное, было бы значительно познавательней проходить практику в один из будних дней, когда жизнь в больнице кипит, больные проходят обследования, посещают различные процедуры, по утрам бывает полноценный обход, врачи назначают лечение и отслеживают, как оно продвигается. Но будни были, видимо, расписаны за студентами остальных пяти курсов, а нам досталось тосковать по субботам.

Было начало декабря. Мы с Марийкой стояли у окна в коридоре, лениво разглядывая, как падает снег. Он летел неспешно, огромными белыми хлопьями, и столь же неспешно летели минуты, почти не приближая время нашего освобождения. Марийка мечтала о тихой уютной анатомичке с таким родным запахом формалина, где в большом ведре ждали ее недоизученные мышцы, с трудом узнаваемые после слишком активного знакомства со множеством пинцетов, а то и рук, но такие необходимые для успешной сдачи экзамена. Я мечтала о «спать». То блаженство, что скрывало в себе это слово, было таким заветным, но таким недостижимым. Чем ближе приближалась зачетная сессия, тем сильнее груз недоученного, недочитанного и недосмотренного ложился на мои, уже трещащие плечи, и засыпала я ближе к утру, раздавленная так и не побежденным учебником анатомии, а еще были всяческие химии, биология и даже незабвенная история нашего славного отечества. И все это требовалось когда-то учить, а мы стоим здесь и рассматриваем снежинки, потому что кто-то когда-то решил, что студентам сызмальства надо быть как можно ближе к будущему

месту работы. Чтоб проникались, так сказать.

Я проникалась. Еще утром, когда я мерила давление, одна из женщин в пятой палате пожаловалась мне на боли в области живота. Я честно подошла на пост и сказала об этом сестре. Сестра раскладывала таблетки по маленьким стаканчикам и вяло отмахнулась, что попозже непременно глянет.

[Купить полную версию книги](#)